

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

НАЧАЛО

ТЕХНИК-ИНТЕНДАНТ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

Военная боевая фантастика

Владимир Поселягин

Начало. Техник-интендант

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Начало. Техник-интендант / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ», 2019 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-133593-9

Глупо вышло: часовой выстрелил на движение – и привет. Ну а дальше – ад или рай. Вот только выяснилось, что в списках умерших меня нет. Оказалось, я попал, причём попал конкретно. В июнь 1941 года. Хорошо хоть, не прогадал с просьбой и получил почти безразмерное магическое Хранилище. Так что все брошенные склады Советской армии – мои.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133593-9

© Поселягин В. Г., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Владимир Поселягин

Начало. Техник-интендант

© Владимир Поселягин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Знаете, стоять вот так у стола Привратника на Перекрёстке Душ и видеть, как за мной в очередь собирается огромная толпа (а много за час на земле народу умерло, тысяч десять уже набралось), было для меня удивительно и вместе с тем как-то уже всё равно. Я переминался с ноги на ногу, будучи обнажённым. Никаких туник, все сверкают прелестями и «прелестями», и это как-то озадачивало. Я ещё не осознал, как влетел. Не осознал ещё, что меня нет в списках умерших. Привратник был изумлён не меньше. Перетряхнул свою Книгу Душ и уже вызвал помощь.

Морщась, я осматривался. Хм, буду до старости серьёзно спортом заниматься. Вон за мной дед стоит: девяносто лет, а фигура, как у молодого. А вот остальные старики не блещут, и смотреть на них не очень-то приятно.

Пока стояли в очереди, пообщались. Старик оказался англичанином. Лётчик, на вертолёте исполнял фигуры на каком-то авиашоу в Англии и не вписался, врезался в землю. Теперь тут. Английским я владею почти в совершенстве, так что общались свободно. Он, правда, приметил мой лёгкий акцент и понял, что я иностранец. Ну, я и представился: мол, зек. А я действительно зек. На зоне сидел по сто тридцать первой статье, пункт два. Изнасилование, да ещё с особой жестокостью. Дали по полной, шесть лет. Сидел по факту ни за что. Зеки сейчас народ продвинутый, быстро выяснили подоплёку дела и меня признали потерпевшим, то есть к опущенным я не относился, нормально жилось.

Тут стоит рассказать, как дело было, да и о себе тоже. К моменту вынесения приговора, к своим двадцати четырём годам, я был женат шесть раз. Шесть! Что поделать, родители так воспитали, что к девушкам я относился очень возвышенно, с пиететом. Ведь это же слабый пол, благодаря им рождаются новые люди, к ним нужно относиться со снисхождением. Для меня они были что богини, окружённые ореолом. И когда я сталкивался с реальностью, понимая, с кем я встречаюсь и на ком даже женат, сразу менял к ним отношение и начинал искать следующую богиню. Оттого и браков столько. Самый короткий длился полтора месяца, это была моя первая жена, в семнадцать лет, а самый длительный – год.

Возможно, я сам виноват, но и воспитание тоже сказывалось. Ведь я к девушкам с большой нежностью относился, надыхаться не мог, те купались в любви и моём к ним внимании. А привыкая, начинали чудить, думая, что я всё прощу. Они не понимали, что это лишает нашу супружескую жизнь самого важного – доверия. Самое страшное – измена, а они рассуждали: мол, всё равно любит, а значит, простит или сделает вид, что ничего не знает. Вот так и совершали самую крупную ошибку в своей жизни. Девушки, имейте в виду: вас любят до определённого момента; пока вы не преступили черту – вы зайки, солнышки, куколки, но как преступили – вы становитесь не женщинами, а бабами. А баб кто гнобит, кто просто выкидывает на улицу. Я именно по последнему варианту работал. К слову, только две жены изменяли, другие просто чудили так, что я пинками гнал их из своей квартиры, двушки в центре Москвы, подаренной отцом на шестнадцатилетие.

Родители у меня были интересными людьми. Мать – домохозяйка, а отец – олигарх средней руки, поднявшийся в девяностые. В первую сотню богачей столицы входил, пусть и был на предпоследнем месте. А вообще, когда мне шестнадцать исполнилось, мне купили квартиру, помогли закончить школу, устроили в институт, а дальше – сам. Родители же занялись моей двухлетней сестрёнкой. Про меня как будто забыли, даже на судебном процессе не присутствовали. С денежного подсоса меня скинули, как в институт поступил. В студенческие годы приходилось даже вагоны разгружать, когда совсем денег не было.

А вообще, я стал вполне преуспевающим. Год в академическом отпуске был, отдавая долг Родине, и не думайте о патриотизме – прятался от очень злого отца второй бывшей жены. Служил в ПВО. Старший оператор РС на радиотехнической батарее. У нас в дивизионе С-300 были. В армию я ушёл до того, как прошёл военную кафедру в институте, поэтому службу закончил сержантом, а к выпуску вместе с дипломом получил офицерские лейтенантские погоны.

Так как мозгами я обделён не был, то с сокурсником организовали фирму по ремонту компьютеров, потом перешли на программное обеспечение и уже открыли фирму, которая занималась созданием программ. Работали мы по редкой направленности: программы для промышленного оборудования и станков. Пришлось даже два года в Париже прожить (я там филиал открывал), поэтому на французском говорю отлично, как и на английском. Последний ещё в школе и институте учил, потом отшлифовал, бывая в Англии по работе, а позже, вот, и французский выучил.

Других языков я до ареста и вынесения приговора не знал, кроме родного, матерного и английского технического. Это уже на зоне за пять лет отсидки от скуки, раз уж мне языки так легко давались, выучил ещё японский (было у нас тут трое японцев) и немецкий языки. На зоне немало разного народу сидело, разных национальностей. За год до моей гибели сел за наркотики итальянец, так он меня учил итальянскому и латинскому. Последний он очень хорошо знал: отец у него языковед, а сам он врач. Платил я хорошо, приработок к пайке, так что учил охотно. На итальянском я уже балакал вполне легко, хотя и с жутким акцентом, и письменный латинский неплохо изучил, но вот погиб.

Как я на зоне оказался? Да причина всё та же – женщины. Встретил одну, месяц гуляли, сексом занимались. К своим двадцати четырём я повзрослел и предпочитал жить гражданским браком. В общем, та предложила жёсткий секс, с разорванной одеждой – ролевою игрою, к тому же с работающим фотоаппаратом. Мне прикольно было, я и согласился. А на следующий день – арест и предъявление обвинения. Доказательства – справка из больницы с указанием травм и те самые фото, на которых она привязана к кровати и выглядит довольно испуганной. Моим оправданиям опера не поверили, как, впрочем, и судья-женщина. Адвокат мой попытлся и сообщил, что потерпевшая готова забрать заявление за сорок тысяч евро. Для меня это не деньги, хотя достаток особо не афишировал. Заплатил через адвоката, а в результате – суд, и я покатыл по этапу.

Это потом на зоне мне уже объяснили все расклады. Тут кроме меня ещё трое таких же сидели. Приятно осознавать, что не я один лох. Всё просто. К жертве заранее адвоката подсылают. Я своего спас от троих гопников, отлично их отметелив. Увидел, что в подворотне избивают кого-то в приличном костюме, и вокруг никого, как по заказу, подлетел и вломил. Сам я парень крепкий, в школе и в институте боксом увлекался, мастера не получил, но КМС честно заработал, так что мои удары клали гопников на грязные остатки асфальта. Окровавленный мужчина представился адвокатом, сунул визитку, пообещав, что он всё для меня сделает, и сделал. Упёк на зону. Правда, те трое лохов платить отказались, но я-то заплатил! Правда вскрылась только через три года.

У меня рак обнаружили, опухоль головного мозга. Я попросил товарища продать мою долю в бизнесе, который к тому времени стоил семнадцать миллионов евро, в основном по

интеллектуальной собственности, а не по железу; тот и сам уже предлагал продать. Так мои деньги оказались на счету в банке Парижа, там у меня лет семь назад был открыт счёт. Вот я и нанял двух отморожков, что откинулись с нашей зоны. Решил поквитаться, раз всё равно умираю. Врачи, поставив диагноз, год дали, но я решил бороться, питая надежду встретить смерть на свободе. Весь ушёл в изучение языков и других премудростей, спецов разных на зоне хватало. Если бы не занял себя, то извёлся бы, думая о болезни, а так отлично отвлёкся. А если не успею выйти, так что, неотомщённым уходить?

Вот парни и нашли ту девицу да по-жёсткому пообщались с ней. После связались со мной (сейчас не проблема с такой связью) и доложили о результатах. Оказалось, девица денег от меня не получила, поэтому и заявление не забрала. Отправились к адвокату и когда превратили его в кусок мяса, позвонили и сообщили следующее. Адвокат с девицей действительно подельниками были, но тому срочно деньги потребовались, чтобы любовницу на Мальдивы свозить, вот он и прикарманил деньги, а подельнице сказал, что платить я отказался. Исковеркал мою жизнь. Убили его парни с особой жестокостью, как, впрочем, и девицу, честно заработав свои сто штук евро.

Я боролся два года, уже начались головные боли, но обезболивающие пока не принимал, будучи уверенным, что смерть всё же встречу на свободе. А тут шухер снаружи. Я в это время в бараке был, сунулся на шум, вот часовой с вышки и дал очередь на движение. Попал. В голову. Боль почувствовал, когда пуля в левую скулу входила. А похоже, у нас бунт: у здания администрации зеки нескольких солдат метелили, а другие брали штурмом здание, там тоже стреляли. Часовой с вышки со своей стороны их не видел, только слышал, вот на нервах и отреагировал на наше движение. Я ведь не один выходил с удивлённым видом. Зона у нас была тихая, поэтому и не понял сразу, что происходит. Глупо всё как-то вышло.

Зона наша занималась лесом. Несколько бригад валили его, а мы загружали на железнодорожные платформы, когда лесовозы его привозили. Я крановщиком был и работал в ночную смену, а сейчас как раз отдыхал. Охрана усиленная, возможности для побега были, но я всё же сомневался в успехе. А всё чёрные. На днях тут новоприбывшего апельсина, как называли грузинских воров в законе, в карцере закрыли, за дело, к слову, вот те и подняли бучу. Пару дней назад поорали и успокоились, а тут, видимо, затаились и ударили. Среди нападающих в основном чёрные и были. Зачем, почему – непонятно, а теперь уже и не узнать.

Вот так я у стола Привратника и оказался. Когда выяснилось, что меня в списках Книги Душ нет, он обратился к начальству, отодвинув меня в сторону и быстро распределяя остальных. Очередь медленно, при этом постоянно пополняясь, начала сокращаться.

– Виталий Кузьмин? – обратилась ко мне ангел.

– Д-да, – онемев от вида девушки с белоснежными крыльями за спиной, с трудом выдавил я.

Никогда я такую прелесть не видел и сразу понял, что мне нужно в рай. Вся в моём вкусе: ещё бы, пять лет воздержания, женщин не видел. Та, видимо, заметила мой взгляд и покраснела, но всё же взяла за руку, и мы полетели (реально, было чувство полёта) куда-то в сторону облаков. Я отвлёкся, потому что не спускал глаз со спутницы (почему-то эрекции на неё у меня не было, видимо, тут не работало), поэтому дорогу пропустил. Лишь отметил, что на облаке был огромный дворец, и мы влетели в залу через распахнутое окно. Девушка удалилась, оставив меня, а по залу загрохотал чей-то голос:

– Думаю, мне стоит извиниться.

Поджимая ноги (пол был холодным, даже странно ощущать это), я буркнул:

– Прежде стоит представиться.

Неизвестный загрохотал громом, и я не сразу понял, что это был смех.

– Я администратор. Тебе должен быть известен как архангел Михаил.

– Неизвестен. Я религией не интересовался, – пробурчал я. – Меня младенцем крестили. Хотя кто такие Христос и Иуда, знаю. Ну и про Адама с Евой и Змея-искусителя тоже, да и то по ролику из «Оба-на!».

– Тяжёлый случай. Вера в Господа нашего падает.

– Сами виноваты: храмов понаделали, ряхи наели, устроили бизнес на вере.

– Мы тут ни при чём. Дали три плиты с пятнадцатью заветами, дальше вы сами.

– Две плиты и десять заповедей, – задумавшись, припомнил и уточнил я. – Что-то такое я случайно смотрел: в самолёте скучно было, а телевизор работал. Это когда из Израиля в Москву возвращался.

– Мы не виноваты, что у Моисея руки из того места растут, на котором он сидит. Уронил и разбил одну скрижаль, так что – что осталось, то и осталось.

– Забавно, – улыбнулся я, снова, как гусь, поджимая ноги. Скоро они у меня красными станут.

Видимо, мои затруднения были обнаружены: пол нагрелся до нужной температуры, и я тоже согрелся.

– Вообще, ты молодец: отомстил тем, кто тебя посадил в тюрьму.

– А как же заповеди? «Не убий»? Я ведь хоть и не сам убил, но заказал.

– В разбитой скрижали тоже были заповеди. Мечь – дело благородное. Мечь грехом не считается.

– Чёртов Моисей. Если бы не его кривые руки, жизнь на Земле была бы проще.

– Ладно, не будем вдаваться в лабиринты заповедей, поговорим о тебе. В Книге Душ тебя нет. Мы проверили. Проверили другие Книги и нашли. Ты – Путник.

– Ну да, пока работал, множество стран облетел, во Франции больше всего: я там филиал разворачивал, два года жил. В Китай уже мой компаньон летал, когда фирму продавал. Они её купили.

– Это не то. Ты – Путник по мирам, ты получил этот дар. Это редкость. После смерти ты будешь переселяться в новые тела в других мирах. При этом снова проживать в тех, где уже был, не сможешь. Но если учесть, что миров миллиарды, то ты будешь жить вечно.

– И везде ваша вера? И как?

– Не везде, но мы контролируем эти миры. Создаём копии себя и работаем.

– И что, я прям вот так Путник? За что я получил этот дар?

– Наш Господь редко покидает свои пространства, но когда делает это, карает и милует. Ты попался ему на глаза в восемнадцать лет, за два дня до того, как отправился в военкомат. Помнишь ту девочку, которую ты вытолкнул из-под колёс машины, в результате чего тебя сбили?

– По касательной, отлетел на пару метров, лишь синяк огромный на бедре, – кивнул я, припоминая.

– Господь это видел и отблагодарил тебя. Девочке было четыре года, невинная душа, и, став впоследствии известным учёным, она изобретёт лекарство от лейкемии. С тех пор как Господь тебя облагодетельствовал, ты и стал Путником.

– И умерал от рака.

– Твоя душа, когда тело умирает, может перемещаться по мирам, занимая новые тела, но следить за состоянием этих тел ты должен сам. Дар ты получил в восемнадцать лет, это стартовое время, значит, ты будешь занимать новые тела, когда им уже исполнится восемнадцать.

– Не в момент смерти, а когда дар получил? – уточнил я.

– Именно.

– Ясно. Значит, меня сейчас отправят в новое тело и в новый мир?

– Именно так. Из-за ошибки нашего кадрового отдела ты попал сюда, а это запрещено. Я хочу извиниться. Надеюсь, подарок в виде десяти умений сможет уладить этот неловкий

момент. Иначе Господь будет недоволен. Путники вне юрисдикции рая или ада, включая наши пенаты.

– Путники редкость?

– Их двести шесть, ты будешь двести седьмым. По всем мирам шастают и поныне.

– Капля в море, – вздохнул я. – Ладно. А что за умения?

– Можно считать, магия. Десять магических умений. Ты инертен к магии, магом не станешь, но привязать к твоей ауре эти умения и дать тебе ими пользоваться я смогу, это в моих силах.

– Они навсегда со мной останутся или только в следующем перерождении? – хитро прищурившись, уточнил я.

– Только в одном перерождении.

– Мало, хочу, чтобы постоянными были, – решил я рискнуть, выставив своё условие.

– Хм, – Михаил, видимо, задумался, минуты три он молчал (жаль всё же, что не вижу его), и я уже начал волноваться, когда он снова подал голос: – Это возможно, но тогда будут только три умения.

– Дают – бери, бьют – беги. Какие умения я могу получить?

– Любые на выбор.

– Список можно?

– Нет. Угадай. У тебя двадцать попыток.

– С чего бы такие условия?

– Скучно.

– Ага, клоуна нашли. Ладно, раз уже умирал от рака, не хочу, чтобы подобное повторилось. Есть у вас умение вроде Исцеления?

– Попал в точку. Именно так оно и называется. Ты знаешь, что такое компьютерные игры и в курсе, как совершенствуется игровой персонаж?

– Это кач называется, от слова «качать». Сленг игровой.

– Я в курсе. Умения, все три, даются в минимальной комплектации. Тебе придётся их развивать. Причём верхнего порога у них нет, развивать можно бесконечно. Что касается Исцеления, начнёшь с заживления небольших ранок, а когда серьёзно прокачаешься, сможешь не обращать внимания на пули и осколки. Тот же огонь, например. Даже если взорвёшься, то вырастишь себе тело из самого крупного куска мяса. Это если на тебе будет лежать печать «Длани Господней» из умений Исцеления. Если нет, отправишься на перерождение.

– При каждом перерождении заново или во всех жизнях развивать можно?

– Хм, правильный вопрос. Аура одна, но при перерождении всё сбрасывается. В каждом мире сначала.

– Ладно, хоть так. Одно умение, Исцеление, выбрал. – Я задумался, прикидывая, что в этой угадывке выбрать ещё. – Я читал книги о мирах с магией, там были интересные артефакты. Безразмерное пространство. Хранилища. Я могу получить нечто подобное?

– Странно, но ты снова угадал. Есть подобное умение, и оно называется именно Хранилище. В минимальном размере сто кубов. Качать можно до бесконечности. Чем больше вещей внутри, тем быстрее увеличивается объём. И обратно он не спадает, остаётся на том же уровне. У тебя восемнадцать попыток для третьего выбора, и мы будем прощаться. Больше мы не встретимся.

– Хм, стоит подумать, – пробормотал я и стал размышлять вслух: – Умения? Видеть в темноте? Или далеко? Силу или быстро бегать? Нет, это можно натренировать самому. Выше определённой планки я не прыгну, но и усиливать это не вижу смысла. О, магический сканер. Есть такое умение, чтобы я мог изучать всё вокруг себя? Чтобы засад избежать. В прошлой жизни он бы мне несколько раз пригодился.

– Хм, он называется Взор. Дальность сначала составляет десять метров, но чем дальше будешь пытаться заглянуть, тем больше она будет увеличиваться. На этом мы прощаемся, Путник, все три умения я к тебе привязал.

– Благодарю. Есть ещё вопрос, надеюсь, ты на него ответишь.

– Чем смогу.

– Почему родители так отдалились от меня? Последние годы мы совсем не общались.

– Потому что это не твои родители. Ты приёмный. Твой приёмный отец был бесплоден, вот они и взяли грудничка из приюта. Позже бесплодие удалось вылечить, у тебя появилась сестра, она и стала смыслом их жизни. Не вини их. Им было очень тяжело принять решение о том, чтобы взять приёмного ребёнка.

– Хм, теперь понятно. Я их не виню и даже рад, что попал именно к ним. Они были замечательными родителями, вырастили меня, поставили на ноги. Они молодцы, сделали из меня человека... Но кто тогда мои настоящие родители?

– Они были студентами. Твоя мать умерла родами, у тебя был брат, он выжил. Отец погиб до твоего рождения. В армию попал и в конце войны в Афганистане подорвался на mine.

– Ясно. Прощай, архангел Михаил.

– Прощай, Путник Виталий.

На этом всё завертелось, хотя, похоже, завертело именно меня, и я вырубился.

* * *

Сначала пришло ощущение тела, почему-то побаливала голова, и, очнувшись, я открыл глаза, глядя на белёный потолок. Не деревянный, явно бетонный. Белила и следы от кисточки, что-то подобное я уже видел. Отец у меня заядлый охотник и меня на это дело подсадил, в любое свободное время я отправлялся на охоту. Мы как-то ночевали в полузаброшенной деревне, там были белёные потолки, вполне похожие на эти. В центре потолка – провод с патроном и большой лампочкой в нём, никакого абажура. Пахло больницей. Я к таким запахам стал уже привыкать.

Я только хотел мысленно пробежаться по своему новому телу, ощутить его и с некоторой натугой поднял левую руку, чтобы ощупать голову, на которой оказалась плотная повязка, и тут на скрип койки кто-то отреагировал.

– Любимый, ты очнулся? – раздался вопль.

Повернув голову, я чуть не заорал в ужасе. «Что ж ты страшная такая?! Ты такая страшная! И ненакрашенная страшная, и накрашенная!»

Надо сказать, сдержался я с огромным трудом. Нет, я, как сиделец, да ещё с таким стажем, был готов запрыгнуть на любую в возрасте от шестнадцати до пятидесяти, но это даже для меня слишком. Если обрить шимпанзе, натянуть парик блондинки, накрасить губы ярко-красной помадой, да вдавливая её так, чтобы та крошилась и комочками на губах оставалась, подвести тенями глаза до черноты, то можно представить, кого я увидел. И эта женщина, хотя вряд ли она была старше двадцати, вскочив со стула, чуть не упала мне на грудь, как я ни пытался отползти. Жаль, койка у стены стояла, а проходить сквозь стены я не умел. Знал бы, что пригодится, точно бы вытребовал у Михаила такое умение.

– Ты кто?

– Ты что, любимый, я же твоя невеста, Нюра. У нас свадьба через неделю. Отец обещал отправить нас самолётом в Крым.

– Только через мой труп, – на автомате выдал я свои мысли.

– Ах так?! – Она фурией вскочила на ноги и прошипела в ярости: – Сам приползёшь ко мне!

Взмахнув полами белого халата, она вылетела за дверь, а я лёг на место, попытался немного отдышаться и унять сердцебиение: адреналин по крови гулял. Ещё бы, у любого будет гулять, кто увидит такое. Пять минут полежал, изучая руки, отходя от шока встречи с неизвестной. А я ничего такой, крепкий, мышцы грудные крупные. У меня прошлого таких не было. Одно ясно: досталось мне тело качка. Про рост и всё такое пока не могу сказать, но вот хозяйство на ощупь не меньше моего в прошлом теле, а я им гордился, особенно в общем душе; было чем похвастаться, даже когда холодная вода шла. Потом сел и осторожно встал на ноги, голова слегка кружилась, но стоял крепко.

Первым делом осмотрелся. Палата небольшая, но одноместная. Хотя вряд ли такие даже в сельской местности остались. Может, фельдшерский пункт где-то в деревне? Тут была койка, старая, сетчатая, столик у окна, на котором стояла ваза с увядшими полевыми цветами, вешалка на стене. Шкафа не было. Было два стула. На одном, что стоял под вешалкой, одежда сложена, подозреваю, моя. Под стулом – стоптанные ботинки на шнуровке. Второй стул у койки стоял; там, видимо, и сидела эта ни мужик ни баба. Сам я был в чёрных боксёрских трусах. Подойдя к окну, определил, что сейчас раннее утро, а за окном – город. Дома невысокие, двух- и трёхэтажные, дымило несколько высоких труб каких-то предприятий. Жаль, улица забором скрыта, но вроде какой-то грузовик проезжал, завывая мотором: плывущий тент кузова увидел над верхушкой забора.

– Где это я? – задал я сам себе вслух вопрос.

Тут дверь за спиной скрипнула, открываясь, и, обернувшись, я увидел входящую в палату пожилую женщину довольно дородной комплекции. Она была в старинном халате без карманов и без пуговиц даже, на завязках.

– Ты чего вскочил?! – сразу же возмутилась она громким шёпотом: похоже, утро было раннее, и женщина опасалась разбудить других пациентов.

– Доброе утро. Где это я?

– В больнице.

– Хм. Какой вопрос, такой и ответ. Где я конкретно?

– В нашей городской больнице номер шесть.

– Вы мне очень помогли, спасибо, – искренне поблагодарил я.

– Ох, вчера тебя принесли беспамятного, прямо с завода. Осколком тебе в голову попало. Аркадий Валерьевич, наш хирург, сказал, что тебе повезло: осколок болванки плашмя попал, шишка да три шва. Если бы остриём, погиб бы. А ты давай ложись, врач осмотрит, тогда и скажет, можно вставать или нет. А чего от тебя Нюрка такая злая выскочила, разбудила меня на посту?

– Поругались.

– Слышала, она невеста твоя? И чего ты в ней нашёл?

Санитарка оказалась кладезем информации, главное, задавать правильные вопросы. Я позволил ей себя уложить, напился принесённой воды, а то действительно сильная жажда мучила, ну и вот так порасспросил. Жаль, знала она не так и много, видимо, с прошлым хозяином тела была ранее не знакома, но что-то узнал, уже хорошо.

Для начала, теперь меня зовут Максим Гусаров, отчества она не знала, а в медицинской карте, видимо, не записано. Уточнять я не стал. Максим работал на сталелитейном заводе, молотобойцем был в цехе. Вот окалина и отлетела в висок. Видимо, всё-таки умер, раз я занял его тело; душа его покинула, и свободное место было занято мной. Теперь понятно, откуда такие мышцы: молотом помахай, так и не такие будут. Сколько же лет он работал, если ему недавно исполнилось восемнадцать? Да-да, санитарка знала год и день рождения. Тысяча девятьсот двадцать третий год, двадцать седьмое мая. Всё верно, сейчас тысяча девятьсот сорок первый год, июнь шестого числа. Я невольно хохотнул, когда это услышал. Всегда мечтал попасть в это время, сбывлась мечта идиота. А находились мы в будущем городе-герое

Минске. Вот такие пироги. Кстати, эта Нюра носила фамилию Филатова и была дочерью третьего человека в городе. Если я и раньше подозревал, что брак тут по расчёту, то теперь в этом был уверен. Не, нафиг-нафиг мне такое счастье.

Санитарка ушла, время шесть утра, уже подъём, начались привычные будни в больнице, а я лежал и осмысливал полученные новости. Вскоре принесли поесть: манную кашу и несладкий чай. Был кусочек белого хлеба с жёлтым куском настоящего масла. После завтрака, когда уже новая санитарка унесла посуду (видимо, та, что раньше была, сдала свою смену), я снова лёг на кровати, ожидая обхода врача, и, закрыв глаза, чтобы сосредоточиться, активировал Исцеление. Надо узнать, есть у меня это умение или нет, а то мало ли что. Потом и остальные проверю. Ну а прикинуть планы на будущее можно и попозже.

То, что все три умения при мне, это я уже знаю. У меня, что при закрытых глазах, что при открытых, три иконки в левом верхнем углу зрения имелись. Они полупрозрачные, но если присмотреться, можно увидеть. Я поначалу, когда очнулся и увидел невесту бывшего хозяина этого тела, думал о выживании, а не иконки рассматривал. Обнаружил я их, считай, случайно, уже когда у окна стоял, а исследовать не успел, санитарка пришла. Сейчас же, пока есть время, изучал. Что примечательно, у двух иконок были знаки процентов, по сто. А вот у третьей (подозреваю, это магический сканер) – десять. Без процентов, просто десять. Думаю, это дальность работы этого умения. Если это так, то у иконки Хранилища (я интуитивно знал, какая иконка за что отвечает) сто процентов свободного пространства. А у Исцеления это уровень заряда. Вот сейчас и проверим.

Открыл иконку, появилось меню. Теперь понятно, почему Михаил про игры говорил. Тут и меню, как в игрушках, смутно знакомы, но из какой игры, не скажу: я стратегию не особо любил, больше стрелялки. Найдя в списках «Общую диагностику», я запустил её, с тревогой наблюдая, как проценты начали быстро отщёлкиваться в минус. Энергозатратная, похоже, процедура. Три секунды – и девять процентов как корова слизнула. Однако открылось новое окно с результатами диагностики моего тела и его схемой. Тут тоже всё было интуитивно понятно: видимо, знания о лечении сами всплывали в моей голове. А зон, подсвеченных красным, оказалось немало. Это самые проблемные места. Старые переломы – два точно, растяжения – шесть штук, начинающаяся межпозвоночная грыжа, но самое проблемное – рана на голове. Трещина в черепе и нарастающая гематома. Внутри черепа образовался кровавый сгусток, который уже не рос, но вызывал боль. Теперь понятно, что у меня болело, а ведь мог от кровоизлияния в мозг умереть. Не скажу, что обошлось, вылечить это нужно как можно быстрее.

Указав на сгусток крови и внутричерепные повреждения, активировал лечение. На выбор было всего два вида. Вообще-то их множество было, но остальные я видел, а открыть пока не мог, качать умение нужно. Кроме диагностики мне были доступны «Малое исцеление» и «Магический лекарский щуп». Выбрал второй, потому как первый позволял убрать только внешние повреждения: царапины, ушибы и открытые раны. Внутренние мог лечить только щуп. И нет, тут знания не всплывали в голове: к каждому лечению давалось на русском подробное описание возможностей их использования, которые я внимательно изучил.

Щуп начал работать. Остальное, включая трещину в черепе, потом уберу. Чую, энергии может не хватить, диагностика была затратной, лечение наверняка будет ещё затратнее. И я не ошибся, процент стал со свистом уходить, но пять секунд – и гематома внутри черепа была убрана. Энергии осталось восемь процентов. Подумав, направил их на заживление трещины. Раз нужно качать, то энергию стоит полностью расходовать. Процент не хватило, но трещина почти срослась, проблема исчезла. Снаружи остались шишка и наложенный шов, это я потом уберу.

Иконка Исцеления ноль в процентах показывала, так что, оставив пока это умение (боль головная прошла) и повторно изучив красные очаги (потом всё залечу, даже родинки с тела уберу), я открыл иконку Взора. Десять метров всего. Подо мной, видимо, процедурная, где

какой-то мужик жарит на столе женщину. Я это видел не как порно по телевизору – цвета не было, но отчётливо в линиях всё это действие мог наблюдать. Надеюсь, прокачав это умение, смогу видеть и в цвете. Более того, найдя режим переключения, я смог изучить строение тел сношающихся. Ну, внутренности меня не особо интересовали, но сам процесс изучил. Похоже, медики спаривались со знанием дела.

Почувствовав себя вуайеристом, я переключился и стал изучать другие комнаты. Там всё было обычным для больницы, но я ещё минут десять потратил, старательно толкая границы Взора, пытаюсь увеличить дистанцию, заглянуть дальше. Пока, за эти десять минут, особых подвижек я не заметил; как было десять метров дальности, так и осталось. Отметив в соседних палатах границу Взора, стал снова интенсивно толкать. Потом проверил: двенадцать сантиметров за две минуты. Значит, всё же растёт дальность его действия, хотя и небольшими темпами.

Встав с кровати, я выглянул в коридор, тот был практически пуст, только в конце его курили двое: видимо, там были туалет и курилка. Кстати, в туалет мне тоже хотелось, едва терпел, но пока не выходил. Изучив Взор (получаса вполне хватило), я переключился на Хранилище. Им тоже было легко управлять. Я убрал в Хранилище оба стула, проверяя уровень процента загрузки. Хм, он как был стопроцентным, так им и остался. Хотя стулья массивные были, с облезлым лаком, возможно, из каких-то купеческих домов. По моим расчётам, должны были куб забрать. Тогда я ещё стол убрал, и всё равно та же цифра. Совсем не понял. Тут же два куба было? Потом кровать убрал, и всё равно сто процентов. А вот когда следом отправилась тумбочка (ранее я её не приметил, она в изголовье кровати стояла), вот тогда один процент исчез, осталось девяносто девять процентов свободного пространства.

Достав мебель обратно и расставив всё, как было, я сел на кровати и задумался. Значит всё, что было в комнате, заняло куб, хотя, если так посмотреть, должно было бы занять около пяти, да и то если утрамбовать. Получается, в Хранилище вещи учитывались не по общему объёму, а по размеру материала. Если кровать с постельным бельём спрессовать в форме кирпича, без пустых полостей внутри, то та действительно занимала не так уж много места. Также и с остальным. Ну да, в таком случае куб и выходил. Получается, когда я убирал всё это в Хранилище, то вещи уминались, а когда доставал, они принимали прежний вид. Полезная опция. Надеюсь, она не вредит имуществу.

Терпеть уже мочи не было, так что, подойдя к стулу, я взял белую майку и натянул её на свой мускулистый торс. Поиграв мускулами, полюбовавшись, как те перекатываются под кожей (эх, жаль, настенного зеркала нет), я надел штаны, сунул ноги в ботинки, носки в карманы брюк убрал и, открыв дверь, направился к туалету. Там быстро сделал свои дела и вышел, а принявшись к запаху табака, вдруг понял, что хочу курить. Похоже, прошлый хозяин тела был курящим. Я, когда штаны надевал, да и во время процесса в туалете, ощущал что-то по карманам. Так что, выходя, обхлопал себя, достал пачку сигарет, настоящий «Казбек», и два коробка спичек. Один полный, в другом – две спички. Больше в карманах ничего не было. Видимо, одежда была рабочая: были прожжённые мелкие отверстия, с десяток; не думаю, что тот в выходной одежде работал. У туалета курили уже трое, тех двоих не было. Я прошёл мимо них (никто меня не окликнул, значит, не знакомы) и вернулся в палату.

Пачку папирос и спички я убрал в Хранилище. Я не курил в прошлом теле и тут не буду, но спички пригодятся, как и папиросы: угостить кого, например. Подойдя к стулу, я осмотрел клетчатую рубаху (это всё, что осталось из одежды), но карманов у той не было. Я надел её, скинул обувь, застелил койку шерстяным одеялом и, улёгшись на ней, задумался. Хотел поразмышлять, что же мне делать дальше. Жаль, для ближайших планов информации было маловато, но прежде всего – это готовиться к войне. Я буду участвовать, призовут – пойду в армию, но вот в окопы я не хотел и решил обдумать, как бы мне попасть в тыловые войска или в штабные. Можно в интенданты, но это вряд ли получится: знаний нема. Одно дело – читать о

таких вот попаданцах, а другое – реально попасть. Жить-то всем хочется. А тут в первых боях и с моим Исцелением вряд ли выживешь.

Серьёзно я всё это обдумать не успел. Дверь открылась (эх, Взор выключен был, а потому это стало для меня неожиданностью), и в палату вошёл врач с тремя медсёстрами. Переключившись на Взор, я мысленно хмыкнул. Это ж тот самый, что недавно жарил юную медсестру (она шла слева от него) как раз под моей палатой. А врачи-то какие затейники: на столе да закинув ножки на плечи. А то – секса в Союзе не было. Был, ещё как был, вот только не афишировался. Все мы люди, все мы человеки, медики – тоже.

– Доброе утро, больной. Как себя чувствуете? – спросил врач довольным голосом, энергия из него так и пёрла: ещё бы, после секса. У меня вон тоже эрекция после увиденного не сразу спала.

– Шикарно. Когда меня выпишут?

– О как? Шустрый. У вас травма головы. Пока не убедимся, что с вами всё будет в порядке, не выпишем. Головные боли есть? – спросил он, присаживаясь на стул.

– Нет, – я демонстративно потряс головой.

Начался обычный осмотр, пульс и сердце тоже пощупали. Ещё глаза осмотрели, я на всякий случай открыл рот и высунул язык, сказав «а-а-а». Медсёстры захихикали, а врач заметил, что это не обязательно. Закончив осмотр, врач, ранее представившийся Валерием Игнатьевичем, сказал с задумчивыми нотками в голосе:

– Состояние ваше действительно неплохое, да и травма не такая серьёзная. Пожалуй, выпишем вас уже сегодня. Но на процедуры нужно будет ходить обязательно, каждый день. Получите больничный.

– Спасибо.

Медики ушли, продолжая обход. Взор у меня теперь был включён постоянно: видимо, энергии он немного тратил, процента заряда не было, и я мог пользоваться им круглые сутки. Или всё же есть заряд? Проверил, включив иконку, но так и не нашёл информации по этой теме. Вероятней всего, я был прав.

Я снова лёг на койку, размышляя, но меня опять прервали, а ведь пять минут всего прошло с момента ухода врача со свитой. В палату ворвался мужчина лет сорока на вид, в белом летнем хлопчатом костюме с накинутым сверху халатом, с панамкой на голове. Только портфель в левой руке намекал на то, что он принадлежит к чиновничьей братии. Прямо с порога он заорал:

– Ты какого хрена творишь?!

– Лежу, думаю, – хмыкнул я, с интересом изучая неизвестного.

Как противника я его не воспринимал, и хотя тело было деревянное, нетренированное, был уверен, что вырублю его с одного удара. Тут у меня не кулаки – кувалды. А так, похоже, мне принесли новую информацию по прошлой жизни моего нового тела, вот только преподносят её как-то излишне громко. За эти три часа, с тех пор, как очнулся, я уже успел принять как данность всё, что произошло с момента моей гибели от пули часового. Да и с чего нервничать? Но обдумать всё, конечно, стоило. Приятный бонус в виде дара Путника – это хорошо, и мне пока нравится, но вот как жить, зависит от меня. Никаких рамок, правил и законов выдано не было, значит, творю что хочу. Также хорошо. Об этом я и размышлял, когда это чудо с портфелем ввалилось ко мне в палату.

– Мы о чём договорились?! – зло зашипел мужчина.

– О чём? – с любопытством поинтересовался я.

– Мы договорились, что ты женишься на дочке Филатова, получишь партбилет без прохождения кандидатского стажа и отправишься в Москву учиться в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКПБ. Филатов вам квартиру в Москве выбил в качестве подарка на свадьбу.

Вообще предложение интересное. В армии политработники имеют особый статус. Ни за что не отвечают, всех нагибают, и тронуть их нельзя. Идеальный вариант, тем более что язык у меня подвешен. Однако, вспомнив дочку Филатова, не к ночи будь помянутую Нюрку, я сказал твёрдо:

– Нет.

– Максим, пойми, в этом случае не только ты теряешь, но и я. Ведь это я дал обещание Филатову найти мужа для его дочери. Один только ты и согласился, да и то при условии серьёзных карьерных предложений.

– Нет, – повторил я всё так же твёрдо.

– Ты это окончательно решил? – с жёсткими нотками в голосе спросил неизвестный. – Подумай. Обратного пути уже не будет.

– Окончательно.

Молча развернувшись, взмахнув, как и Нюрка, полами медицинского халата, наброшенного на плечи, он ушёл, с грохотом закрыв за собой дверь, аж штукатурка посыпалась со стен. Результаты нашего разговора были очевидны.

Пришла медсестра, которую ранее, при осмотре, я уже видел в свите врача, и сообщила, что меня переводят в общую палату. Делать нечего, сунул ноги в ботинки, и меня повели на первый этаж. Палата была общей, и в ней всего одна свободная койка и имелась. Поприветствовал парней: пять мужчин в палате, включая меня, и двое мальчишек с переломами.

Я лёг на койку и, закинув руки за голову, продолжил размышлять. Кстати, Взором я продолжал пользоваться, стараясь постепенно расширять его возможности. За час на два метра раздвинул и сейчас уже мог контролировать пространство в радиусе двенадцати метров. Отметил, что за тот же час зарядка Исцеления поднялась до тридцати трёх процентов, и снова её полностью использовал: убрал трещину и шишку. Ранку пока не трогал, да и швы там. После заживления вышеописанного осталось всего восемь процентов энергии, которые я направил на заживление повреждённой когда-то связки на левой руке. Не хватило долечить, но убрал опасные симптомы.

Итак, у Исцеления шла зарядка, Взор продолжал качаться, только Хранилище пока не было возможности совершенствовать. Я же размышлял о следующем. Бывший хозяин этого тела – явный карьерист. Смотри-ка, не побоялся жениться, пусть и по расчёту, чтобы повыше взлететь. Коммунистов я считал местными дворянами, вот и этот хотел туда пролезть. Это не мой путь, но идея интересная, так что стоит ее обдумать, только с другой стороны.

Всё же в тот день меня не выпустили. Сутки я провёл в больнице, и только на следующий день, в девять утра, через два часа после завтрака, пришла медсестра и сообщила, что меня выписывают. То, что ранее меня из отдельной палаты в общую перевели, это понятно – мстят за отказ. Уж не знаю, кто: тот неизвестный мужик, видимо, куратор прежнего хозяина тела, или сам Филатов, но я это неприятностями не считал. Так что собрался и покинул больницу. Документы при выписке мне не выдали: видимо, у Максима при себе их не было, да и зачем они в цеху? Возможно, они на заводе в шкафчике. Хм, а у парня вообще родственники какие есть? Надо бы узнать.

За сутки Исцеление заряжалось до максимума трижды, и я использовал возможности этого умения: убрал все следы травмы колена и полностью залечил зарождающуюся язву, уж не знаю, как Максим смог её заполучить. Хотел ещё глаза подлечить: один глаз хорошо видел, а второй – хуже (близорукость, непривычно как-то), однако для этого необходимо специализированное умение из списка ста. У меня открыты три, а нужное под номером семь. Взор уже на расстоянии двадцати семи метров работает – раскачал. На этом пока всё.

Выйдя во двор больницы (по виду – бывший дворянский дом с несколькими строениями на территории), я вдохнул полной грудью чистого воздуха и, спустившись с крыльца, направился к выходу, к открытым воротам. Очутившись на улице, с интересом поглядывая вокруг,

я направился к заводу. Как узнал дорогу? Да у прохожих поспрашивал, те и указали. Он действительно был рядом. А бинты перед выпиской мне сняли, точнее, отодрали, больно было, аж шипел, осмотрели рану и наложили уже другую повязку, небольшую.

Кстати, в туалете зеркало было, и я, когда к унитазу бежал, заметил, что там мужик брился опасной бритвой, мне пришлось встать за его плечом, чтобы кинуть на себя нового оценивающий, изучающий взгляд. А ничего так: зеленоглазый шатен с правильными чертами лица, полными губами и ярко выраженными бровями. В общем, красавец. Даже приятно. В прошлом теле я красавцем не был – харизмой брал девичьи сердца. Рост у меня теперь метр семьдесят два, это я при выписке узнал, заглянув в медицинскую карту. Хороший рост, раньше у меня был метр семьдесят восемь. Тело пока повиновалось неохотно, тяжело было брать его под контроль, шагал, мысленно строя каждое движение, но, думаю, тренировки и зарядка решат эту проблему.

На проходной завода меня остановил сторож и передал указание идти к парторгу. Кажется, я начинаю догадываться, кто это такой. У троих спросил дорогу, как будто я не знал, где его кабинет. Меня узнавали, здоровались, спрашивали о самочувствии. Как меня на полуторке вывозили с территории завода, видели все. Столько слухов было, в том числе и о том, что я погиб, а тут я живой. В ответ на вопросы посматривали на меня с удивлением, я же травмой отшучивался. Дорогу мне всё же указали, а одна работница, девушка, даже предложила проводить.

В ходе нашей с ней беседы я выяснил, что Максим был на заводе комсоргом, главным комсомольцем, при этом работая молотобойцем. А подчинялся парторгу, к которому мы и шли. Тот был главным по коммунистам и политической жизни завода, второй после директора. Пока мы дошли до административного здания и поднялись на третий этаж к нужному кабинету, я успел узнать, что Максим детдомовский и уже в шестнадцать лет пришёл на завод, но образование не забросил, ходил в вечернюю школу. В этом году как раз закончил десять классов с отличными отметками. Он действительно был карьеристом и знал, что ему нужно от жизни. Девушка была из того же детдома, потому и знала такие подробности из жизни комсорга. Вообще, завод курировал тот детдом, поэтому неудивительно, что многие его бывшие воспитанники здесь работали.

Это всё, что я успел узнать, ну разве что ещё получил информацию о том, что Максим проживал в заводском общежитии. Проводив меня, девушка ушла, а я, постучавшись, вошёл в кабинет. Ну, как я и думал, тот незнакомый мужчина, которого я видел в больнице, оказался парторгом. Он был один в кабинете, сидел за столом, и в его взгляде явно читалась угроза.

– Не передумал?

– Нет.

– Я так и думал. Значит так, ты уволен с завода за несоблюдение техники безопасности, вот твоя трудовая книжка. Также я был в твоей комнате в общежитии, забрал комсомольский билет и корочки кандидата в члены партии. Вот они. – Он показал мне две красные книжицы и демонстративно, проявив недюжинную силу, по очереди порвал обе. – Теперь тебе закрыты пути в наши ряды. Пшёл вон.

Молча забрав трудовую, я развернулся и, выходя из кабинета, услышал вслед:

– Ничего, выродок дворянский, мы ещё посмотрим, кто тут выиграет.

Это высказывание меня заинтересовало. Видимо, происхождение было одним из тех факторов, которыми парторг воздействовал на Максима. Как интересно. Сначала я направился в отдел кадров, где версию парторга о причине моего увольнения не подтвердили. Оказалось, официально меня уволили по собственному желанию, никто себе карму портить не захотел. Я показал свою трудовую книжку, кадровик сильно удивился и по моей просьбе переписал её. Так-то. Только просил никому об этом не говорить. От него же я узнал, что сдавать дела по должности комсорга не придётся: вчера вечером были перевыборы с участием всех комсомоль-

цев завода, и в кабинете уже новый хозяин осваивался. Я зашёл к нему, и он отдал мне теперь уже мои личные вещи, что тут хранились. Всё уместилось в портфель, такой же, как у парторга. Несколько тетрадей, писчие принадлежности, баночка с чернилами, перья, карандаши и вполне неплохие куртка с кепкой. Ко мне все относились доброжелательно, явно сочувствуя, вот и новый комсорг, здоровый парень лет двадцати, спросил:

– Что планируешь делать? Кровать свою заберёшь? Ты же её купил всего полтора месяца назад. Может, продашь? Для тебя она большая, полуторная, а для меня как раз будет.

– Я подумаю. А что касается планов, пойду к зданию Минского НКВД. Хочу заявление написать на Филатова и Демидова.

Я уже узнал фамилию парторга, табличка на дверях была. Комсорг от моих слов выпучил глаза и выдавил сипло:

– Зачем?!

– Ты думаешь, я от свадьбы и от всех благ отказался, потому что Нюрка страшная, как всемирный грех? Или отомстить хочу? Нет, тут другое. Когда мы все вместе в баньке сидели, в парной, и о политике говорили, я многое услышал. Выпившие они были, языки не держали. Враги они, хаяли всех, самого товарища Сталина тоже. Я рассказать хотел, да не успел: в больницу на следующий день попал. Вот и думаю: это случайность, или они испугались и убить меня решили, когда поняли, что сдам их?

Оставив комсорга обдумывать сказанное мной, я зашёл в кассу и получил то, что мне причиталось. Вышло немало, почти двести рублей. Зарплата командира РККА, как сказала кассирша, а у тех очень высокие зарплаты. Убрав деньги в карман и помахивая портфелем, я направился к выходу. Девчата в бухгалтерии мне тоже посочувствовали, и от них я узнал, что, оказывается, делю комнату с ещё тремя работниками завода.

Добравшись до общежития, которое было рядом, на соседней улице, я вошёл. На входе меня встретила сторожиха, бабка, осведомилась о самочувствии и отправила меня к коменданту, а та выдала приказ на выселение меня из комнаты. Приказ сверху. Жаль, я хотел тут хотя бы одну ночь переночевать, чтобы освоиться. Однако ничего. Ключ я внизу взял и направился к комнате. Где она находится, сторожиха указала, когда я, смущённо улыбаясь, признался, что от травмы немного забылся и не знаю, куда идти. Открыл, вошёл, комната была пустая. Осмотревшись, подошёл к своей кровати. Она одна тут полуторная, дорого смотрелась, панцирная, с никелированными спинками, две подушки, постельное бельё, покрывало с рисунком. Это точно моя, спасибо комсоргу. Подумав, убрал её в Хранилище, пригодится. Был ещё шкаф, уверен, что там вещи Максима тоже были, однако какие именно, я не знал. К счастью, скрипнула, открываясь, дверь, и в комнату вошёл незнакомый парень. Осмотревшись, он удивлённо протянул:

– Ты уже кровать вынес? Быстро. Кстати, здорова. Как рана?

– Привет, – поручковался я с парнем. – Нормально. Слушай, меня из общежития вышвырнули, помоги собрать мои вещи, чтобы я чужого не прихватил. А то после травмы в голове всё перепуталось.

– Легко.

В шкафу действительно были вещи Максима. Я взял простыню, а то у него даже чемоданчика не было, один портфель, и тот уже у меня в Хранилище был, и стал складывать вещи. В шкафу были запасной комплект постельного белья, туфли, два комплекта нательного белья и лёгкий летний белый костюм. В него я и переоделся, а остальное в узел из простыни убрал. Кроме этого у Максима, а теперь и у меня, были свои тарелка, кружка, вилка с ложками и чайник, их я тоже забрал. Сковорода и кастрюли другим принадлежали. Моими оказались также два полотенца, расчёска, настольное зеркальце, бритвенные принадлежности и два куса мыла. Вот зубной щётки и пасты не было. Похоже, чисткой зубов Максим не заморачивался. Сосед

выскочил на кухню, кастрюлю поставить, он на обед пришёл. А я в это время убрал всё в Хранилище.

– Уже унёс вещи? – спросил тот, возвращаясь.

– Угу.

На этом мы и попрощались. А на выходе из общежития меня перехватил запыхавшийся парторг. Ага, дошла до него информация. Я был уверен, что новый комсорг меня ему сольёт, парторг ставил на эту должность своих людей, Максим тоже своим был. Интересно, Нюрка тоже перешла к нему, как и должность? Если так, заранее сочувствую.

– Ты что творишь?! – зло зашипел на меня парторг.

Быстро осмотревшись (народ к общежитию на обед стягивался, хотя вроде своя столовая у завода была) и ухватив меня за рукав, потащил в сторону, я не сопротивлялся.

Когда мы отошли за угол общежития, он зло спросил:

– Как это понимать?

– То, что вы враги? О, для меня это тоже оказалось сюрпризом. Я услышал от вас и гражданина Филатова столько ругательств в адрес правительства и самого товарища Сталина (и готов подтвердить это в суде), что просто не понимаю, как вы ещё на свободе ходите. Это надо исправить. Я собирался сообщить об этом, вы узнали и пытались меня убить. Не получилось. Думаю, следователи НКВД будут рады такому заявлению.

– Что ты хочешь? – после недолгого раздумья спросил парторг.

Внутренне порадовавшись, что мои предположения и идеи верны, я ответил:

– То, что вы порвали мои документы, я считаю неправильным. Верните мне их. Мой комсомольский билет и партбилет.

– У тебя были корочки стажёра, – хмуро буркнул он.

– Были корочки стажёра, а станут настоящим партбилетом.

– А ты не обнаглел?

– Как вы ко мне, так и я к вам, – пожал я плечами.

– Два дня.

– Сегодня, – поставил я условие. – И чтобы во все списки и архивы мои документы внесены были.

– В шесть часов в парке, у фонтана, – сказал как отрубил парторг и, развернувшись на каблуках, ушёл быстрым шагом.

Я же, весело насвистывая, отправился искать, где можно было бы поесть, уже хотелось, время-то обеденное. Что там завтрак в больнице? Пролетел, я и не заметил. Нашёл столовую, № 6. Хм, как у больницы номер. Полна была, но найти свободное место за одним из столиков мне удалось. Тут много заводских было, спрашивали, как мои дела, как рана... В общем, пообщался. Купил я тарелку борща с ложкой сметаны, четыре куска хлеба, на второе – гречку с котлеткой и подливой, ну и компот. Так, общаясь с заводчанами, я и поел. А перед уходом, незаметно достав свою тарелку, попросил продать котлеток, они тут на удивление вкусными были. Полную тарелку мне наложили, в кружку налили подливы, а в чайник – компоту. Я незаметно убрал всё в Хранилище. Хочу узнать, остынут они, пока там находятся, или нет.

Потом прогулялся до продовольственного магазина, сбоку ещё был отдельный вход в магазин хозтоваров. Деньги у меня были: помимо тех двухсот ещё триста я обнаружил в шкафу, на полке под постельным бельём, в шкатулке, запертой на ключ. Ключ к ней был на связке, которая нашлась в портфеле, на связке и было всего два ключа: от шкатулки и от комнаты. В шкатулке я также обнаружил паспорт, свидетельство о рождении, аттестат об окончании десяти классов и водительское удостоверение.

Оказалось, Максим сдал на права, мог управлять мотоциклом, автомашиной и трактором. Уверен, комсомольский билет и стажёрский тут же хранились, но парторг их забрал. Или новому комсоргу поручил, а тот взял ключ и открыл... Хм, и без моего разрешения. Запом-

ним. В шкатулке я также нашел несколько фотографий: общую фотографию выпуска детдома и фото для документов, их было четыре, но два я отдал парторгу, два остались. А ещё два обручальных кольца лежали в коробочке. Больше ничего не было. Ладно, с этим после разберусь, а сейчас займёмся покупками, пока всё есть, и недорого, и война не началась. Хранилище имеется, будем заполнять.

Насчёт заполнения Хранилища я вот что подумал. Ведь его нужно качать. А это значит – заполнять и освобождать. Самый идеальный наполнитель для кача – вода, большие объёмы. А имея внутри имущество, я могу его попортить. Такое вполне возможно, точно не знаю, нужно будет эксперимент провести.

В магазине я купил с десяток буханок хлеба, большой кусок сливочного масла, полмешка макарон, мешок риса (тут нечасто рис встречается, но недавно завезли), гречки. Сыра взял два круга, молока на разлив, сметаны. Сбегал в хозмагазин, там продавались пятилитровые бидоны, взял три, мне их отмыли и заполнили. В два – молока, в один – сметанки. Консервов рыбных купил с десяток, мясных не было. Соли мешок и мешок сахара, тут не по пачкам, а на развес. В хозмагазине взял помимо трёх молочных бидонов флягу (тоже дефицит, повезло с ней), пару вёдер, пару лопат, пару топориков, ломик и несколько складных ножей. Зубных щёток с десяток, зубной пасты в тубиках, польский товар, и десять банок мятного зубного порошка, это уже наш. Большое банное махровое полотенце, тоже из Польши, и мыла польщика, на этом всё.

Покинув магазин, я направился к парку. Там, устроившись на скамеечке, активировал Исцеление, которое к тому времени уже сто процентов набрало, и полностью растратил заряд: убрал все подозрения на грыжу и следы двух переломов. Оставшимися крупными энергиями долечил связку. Взор продолжал качать, уже увеличил дальность до двадцати восьми метров, но не снижал напора.

После использования Исцеления, встав со скамейки, мысленно прислушался к своим ощущениям (есть разница или нет, так и не понял) и направился к выходу. Тут неподалёку Колхозный рынок, хотел навестить его. На рынке купил две палатки. Сначала четырёхместную, но продавец спросил, не нужна ли мне ещё большая армейская. Она оказалась взводной, целый тук. Купил. Видимо, ворованное имущество. Приобрёл также два больших тюка брезента и две бочки с бензином, случайно услышал о них. Потом пришлось целое представление разыграть с вывозом этого добра на арендованных телегах, а чуть позже я убрал их в Хранилище. Из посуды взял шесть котелков, начиная с небольшого, на три литра, и заканчивая казаном на пятьдесят, последний с треногой в комплекте продавался. Ещё купил три чайника разных объёмов и пять сковородок, тоже разных размеров. А также несколько свежих, ещё тёплых, пирогов и варёных яиц, после чего решил, что готов, хватит, и так на три куба имущества набрал. Уже на выходе заметил, что продавались три толстошёрстных ковра, в походах отличное средство, хоть не буду спать на голой земле, купил потом ещё и медвежью шкуру. А увидев в стороне столики и стулья, подошёл. Оказалось, самодельные, складные, местный столяр делал. Так сборный столик купил и пять стульев. На этом теперь всё, точно хватит.

И направился я в сторону минского аэродрома. Были причины. Я знал, что немцы Минск быстро захватят, окружив, а оказаться в плену, в случае, если не повезёт, я не хотел, поэтому планировал убраться отсюда. Как я мог это сделать? Да поездом. Но увидел афиши Аэрофлота (две на глаза попались) и решил, что так быстрее. Остановил таксомотор на базе фаэтона и доехал до аэровокзала, где узнал, куда есть ближайшие рейсы. Оказалось, в девять вечера вылетает борт в Сочи, есть два свободных места. Полёт с посадкой в пути, высадят двух пассажиров. Есть ещё два борта, но на них мест нет, и эти-то два случайно освободились, пассажиры сдали билеты. В общем, я подумал и решил, что так даже лучше: буду купаться, загорать, тело осваивать, тренироваться. Поэтому кивнул и купил билет. Сто сорок рублей. Это дорого, десять раз в Москву на поезде можно съездить туда и обратно. Я узнавал цены.

Билет я получил, паспорт не спрашивали, так продали. Покинув здание аэровокзала, на том же таксомоторе я отъехал от города, и он высадил меня на пустом берегу реки Свислочь, главной водной артерии Минска, пообещав вернуться в пять часов вечера. Я разделся на берегу, отмыл десятилитровый котёл, разжёл костёр (сушняка тут хватало) и поставил воду кипятиться. Расстелил ковёр (чёрт, удобно с Хранилищем) и, сев на него, использовал Исцеление, там уже набралось сорок процентов. Для начала я снял повязку, потом, глядя в настольное зеркальце, ножницами срезал швы и пассатижами убрал их, потянув за кончики, после чего заживил рану. Убирать совсем не стал, осталась красноватая полоска с точками от швов. После встречи с партгоргом ещё больше удалю, но совсем следы убирать не стану, это примета для опознания, мало ли.

Пока вода в котле закипала, я достал из Хранилища всё, то есть абсолютно всё, убрав в тень от кустов, особенно молоко со сметаной и масло. Потом вернул в Хранилище пустой спичечный коробок. Две оставшиеся спички я потратил на костёр. После этого с берега нырнул в воду. Взор, который я продолжал качать (уже тридцать метров дальность), показал, что можно нырнуть. Отплыв подальше и открыв Хранилище, я втянул в него воду, заполнив полностью. Хм, меня чуть в воронку не утянуло. Почти сразу я выпустил воду. Волна, поднимавшаяся от этого, чуть на берег меня не выкинула, хорошо, до вещей не достала: берег высокий. Выбравшись на песок, я достал из Хранилища спичечный коробок. Он был сухой. Отлично. Убрав в Хранилище скоропортящиеся продукты (масло, молоко) и проверив котёл (пока не закипал), снова зашёл в воду и минут двадцать плавал в реке, качая объём Хранилища, пока кипящая вода, выплёскиваясь из котла, чуть не погасила костёр. Пришлось прекратить кач и вылезать на берег, где шипели угли. Теперь я был доволен: после шести вливаний и выливаний Хранилище объёмом сто кубов увеличило объём ещё на двенадцать кубов.

Попробовав воду, посолил, после чего высыпал в неё полтора килограмма риса, помешивая поварёшкой. А когда вода снова закипела, я достал бидоны и масло, проверил их (не мокрые), ещё и молочка попил (ух, вкусное), да и сметанки от края бидона отхлебнул. Вернув всё на место, я вернулся в реку и, пока рис варился (я дважды проверял), качал Хранилище. Рис варил с запасом, чтобы на несколько недель хватило, а то котлеток купил, подливы, а с чем есть, непонятно, разве что так, с хлебом. А с рисом – другое дело. Так что к пяти часам я уже поужинал: рис залил подливой, с двумя котлетками и с молоком отлично наварнул, потом ещё компоту попил. Объём Хранилища к тому времени был увеличен до ста семнадцати кубов.

Тут и таксист подъехал, я уже успел всё убрать. Меня довезли до парка; там, добравшись до фонтана, я сел на свободную скамейку и, развернув газету, купленную в киоске Союзпечати у входа в парк, стал читать. Партгорга пока не было. Вообще шантаж мне не нравился, но если бы меня принудили, написал бы заявление. А так я на испуг брал. Партбилет мне бы точно пригодился, и отказываться от него я не собирался. Парторг появился у фонтана почти вовремя, в пять минут седьмого. Пятиминутное опоздание я ему простил. Сложив газету, я встал и услышал, когда тот подошёл:

– Иди за мной.

Нахмурившись, я направился следом за Демидовым. Похоже, меня сейчас будут убивать: не нравились мне те двое, приклатнённого вида, что последовали за нами, быстро нагоняя. Я Взором их заметил ещё минут двадцать назад, обследовал: у обоих ножи, а у одного, что повыше, наган сзади за поясом. Остальная мелочовка не так интересовала. По-видимому, Демидов или Филатов решили избавиться от меня более радикально. Жаль, документов не получу, теперь я в этом уверен.

Тут я заметил ещё одного паренька, что шёл нам навстречу. Тропинки здесь уединённые, от центральной части мы ушли, гуляющих практически нет. Этот парень мне сразу не понравился, особенно его напряжённый взгляд. Что ж, поиграем. Мой Взор уже на тридцать три метра дальности прокачан, так что я изучил встречного паренька и тут же переиграл план.

У него помимо нагана удостоверение в кармане было, а у парторга – пачка денег и никаких моих документов. Похоже, готовилась подстава: меня возьмут на передаче денег, и парторг таким образом себя обезопасит. Не знаю, что он им наболтал, но после этого заяву мне на них с Филатовым не накатать.

Встречный не прошёл мимо, как я предполагал, да и та парочка, что нагнала нас со спины, атаковала, блестя лезвиями ножей: работать они собирались тихо. Нет, это не менты, как я сперва подумал, и деньги в кармане у парторга не на подставу, а за оплату моего убийства. Отвёл меня в тихое место и дал им работать, скот. А вот противникам моим не повезло: я от неожиданности взял и убрал их в Хранилище. Парторг вытаращил глаза в изумлении, но ни убежать, ни даже заорать не успел: я прыгнул к нему и нанёс удар в челюсть. Нокаут. Это я эмоции выплёскивал. После этого обыскал лежачего, забрал деньги и отправил его в Хранилище.

Отойдя к дальней скамейке, я плюхнулся на неё. У меня отходняк начался, аж трясло всего. Минут пять это продолжалось, пока я не взял себя в руки. После этого, погуляв и совсем успокоившись, я вернулся в ту часть парка, где было меньше всего отдыхающих минчан, и достал парторга. Тот дышал, но всё ещё оставался без сознания. Отлично, значит, я могу хранить в Хранилище живое. Лошадей или людей, что захочу. Хм, а свежая, живая морская рыбка, которую я привезу с Чёрного моря? Ох, какие перспективы открываются.

Честно сказать, было желание по очереди доставать ту тройку, что пыталась меня убить (а я мог это делать так, чтобы те появлялись спиной ко мне) и вырубать их. Однако я потянул мышцу и связку, когда бил заводского парторга, тело действительно нетренированное. То есть те мышцы и связки, которые тренируют боксёры, у Максима практически не были развиты, нужно тренироваться. А пока теми немногими процентами Исцеления, что успели набраться, я заживил свои повреждения, как раз хватило. После этого я покинул парк. От неожиданных пленных потом избавлюсь, причём радикально, раз Михаил говорил, что месть – это благое дело. Они меня убить пытались, вот и я их на тот свет спроважу.

Я погулял по городу, купил чебуреков в чебуречной, попил кваса из бочки на колёсах – реально деревянная, дубовая бочка. Потом в киоске «Газводы» купил стакан сладкой газировки на разлив, тоже понравилась. А когда подошло время, я уже был на аэродроме. Самолёт оказался небольшим: одномоторный моноплан с верхним расположением крыла, всего семь мест внутри. Дальше – посадка и взлёт.

* * *

Покинув борт самолёта, я осмотрел поле и строения минского гражданского аэродрома. Двенадцать дней меня тут не было, и вернулся я загоревшим, отдохнувшим и довольным. Вернулся сознательно, хотя знал, что тут вскоре будет. Красная Армия, отступая, побросает здесь множество имущества, а я тыловиком собирался стать, вот и буду собирать то, что пригодится. Я за эти двенадцать дней, или десять, если быть точным, качал Хранилище и Взор как сумасшедший, и Исцеление тоже. Результаты есть. Хранилище у меня раскачано на три тысячи шестьсот семь кубов. Взор – на двести шестнадцать метров, причём открылась дополнительная опция «Кошачий глаз». Я вообще не знал, что у Взора опции есть. Думал, как у Хранилища: качай дальность, как объём, и всё. А тут такой приятный сюрприз. Опция позволяла видеть в темноте, как днём, причём в цвете. Не знаю, почему её так назвали, но пусть будет, очень полезное умение. Всего появилось пять опций, но четыре пока закрыты, а пятой вот пользуюсь.

По Исцелению тоже есть подвижки. Открылись ещё два умения в лечении: «Среднее исцеление» и «Средний лечебный шуп». Это те же опции, только работают лучше, мощнее, и энергии тратят меньше. Кстати, «Длань Господня», о которой Михаил говорил, тоже была в списке умений Исцеления, но она самая последняя. А так я себя полностью восстановил, даже пару раз сам раны себе наносил, чтобы качать Исцеление. Вполне прокачал, судя по открыв-

шимся опциям. Я теперь и пулевое ранение залечить смогу, не сразу, а за сутки, но даже шрама не останется.

А вообще, как всё проходило. Добрался я воздухом до Сочи. Утром, как рассвело, там был. Договорился с местным шофёром, тот на грузовичке отвёз меня в город и помог найти и снять комнату в домике одинокой старушки. Она готовила завтраки и ужины, а обедал я в открытом море. Вот так у меня в режим вошли отдых, тренировки и кач. Утром, как светало, я бегал к школьному стадиону, до него три километра было, там спортплощадка имелась, турники. Занимался зарядкой, тренировался, потом возвращался бегом, завтракал и на арендованной у местного жителя большой лодке с парусом уходил в море, благо все эти дни стояла замечательная погода. Загорел до черноты, шкура дважды облезала, на лодке даже без трусов загорал.

У старушки я сарай арендовал, там все покупки и выложил. Молоко и сметану в обеденное время в море доел, рис, котлетки и подливу с компотом – тоже, хватило вполне. В общем, Хранилище было пустое. Парторга и троих его подручных отправил на дно моря, сняв с них всё ценное. Демидова прежде допросил по поводу дворянства. Тот признался, что это он со злости бросил, никаких доказательств не имелось. Снял с них два нагана и двенадцать запасных патронов – моё первое огнестрельное оружие. А две тысячи рублей, которыми Демидов собирался заплатить за моё убийство, стали приятным бонусом. Снял я с них действительно всё: одежду, обувь, наручные часы парторга тоже, они приметные. Снятые вещи продал на местном рынке: деньги мне были нужны. Настолько, что когда я вернулся в Минск, в кармане полтора рубля оставалось мелочью. Я даже продал всё то, что в Минске приобрёл, включая палатки и посуду. Почему? А делал покупки, которые ещё долго не сделаю, находясь вдали от Чёрного моря и юга. Рыба – это само собой, но ещё я приобретал сухофрукты и орехи. Сезон сбора фруктов ещё не начался, а сушеные фрукты мне вполне подходили.

С разнообразием сухофруктов были проблемы: всего четыре наименования. Если по списку, то я приобрёл следующее: одиннадцать мешков грецких орехов, двадцать девять мешков с изюмом, светлым и тёмным, тридцать два мешка с курагой, восемь – с черносливом, двенадцать – с грушей. Ещё купил две корзины с финиками, контрабанда из Турции, но зато их так можно есть – мытые. Также приобрёл двенадцать больших десятилитровых кувшинов с красным вином и три – с белым. Домашние вина, чача, общий объём – сто пятьдесят литров. Из рыбы взял двенадцать двухсотлитровых бочек кефали. Рыба свежая, живую грузили, сейчас достану, так биться начнёт.

Вон, пленников когда доставал, так те сразу в бой кидались. Для них мгновение прошло с момента пленения. Я их вырубал и допрашивал. Они подтвердили: убийство планировалось, только оплата была пятьсот рублей. Оказалось, Демидов с Филатова две тысячи стряс и полторы планировал себе забрать. Видимо, за идею.

Так вот, про рыбу. Купил я двенадцать бочек живой кефали, двадцать – скумбрии. Сельдь, две двухсотлитровые бочки. Восемь бочек камбалы. Живых осетров сорок туш и две бочки небольших. Это всё была живая рыба. А ещё вяленой взял двадцать шесть мешков, разной, ассорти, можно сказать. Я пристрастился к сушёной рыбе, пока жил в Сочи. Купил также и солёной: шесть бочек сельди. Копчёных осетров взял десять метровых туш. И икры три пятидесятилитровых бочонка.

Не хватит денег на всё это? Есть такое дело. Однако мне повезло. Я снял параметры с наганов, настроил Взор на постоянный поиск оружия, и тот искал. Срабатывал часто, но обычно на оружие у военных или сотрудников милиции, да несколько раз у приклатнённых парней оружие оказалось. Но однажды Взор засёк оружие под землёй, схрон в катакомбах. Тут небольшие пещеры на окраине были, рядом со школьным стадионом. Я нашёл полузаваленный вход, проник внутрь и вскоре обнаружил склад оружия, небольшой, всего десять единиц: шесть винтовок, карабин, два нагана и, кажется, браунинг. Состояние за двадцать лет (а оружие явно

со времён Гражданской) было так себе, место-то сырое. Да и патроны (немного их было) отсырели. Но зато имелся саквояж. Сырые склизкие царские банкноты меня не заинтересовали, а вот золотые и серебряные монеты – вполне. Было их немного, но на вышеописанные покупки хватало.

Ах да, в Сочи я нашёл спортклуб. Тут была боксёрская секция, мешки, скакалки и перчатки – то есть всё, что мне необходимо, включая спарринг-партнёров. С шестого дня отдыха после зарядки я отправлялся уже не к арендованной лодке, а сюда, и молотил грушу или стоял в спарринге с кем-нибудь из местных. И только после обеда уже выходил в море до наступления темноты. Местный тренер, узнав, что я лишь отдыхающий, погрузился: он моей техникой всерьёз заинтересовался. Я объяснил ему, что меня научили кубинские товарищи, у них свой стиль боя. Это действительно так: я учился по их программе, но в будущем.

На зоне боксёров хватало, мы образовали свою силу. Старшим у нас был дважды чемпион России и бронзовый призёр Олимпийских игр. Он сидел за убийство: в ресторане, будучи пьяным, забил двоих. Отморозок спортивный, но действительно профи своего дела. Пусть грузин (я их недолюбиваю), но всё равно за пять лет совместных тренировок на зоне я сильно поднял свои умения и знания в боксе. Думаю, легко в будущем на мастера бы сдал.

Ну а тут у меня вообще достойных соперников не было. Я всех валил, даже тренера. Тот умный: поглядел со стороны и, прогнав всех, вышел против меня. Чтобы в случае проигрыша этого не видели его подопечные. Тут не то что позор, но потеря авторитета неприемлема. Свалил я его на шестнадцатой секунде: техника моя была на три головы выше, и это с дубовыми мышцами и связками, которые только-только начали приобретать пластичность.

Перед отъездом я ночью угнал морской рыболовный баркас. Его уже три года как не использовали, переделали для обычной рыбалки с удочками и выходов в море, отдыхающих катали. Рыбой он почти не пах. Я его оснастил и убрал в Хранилище как раз за час до вылета самолёта.

Вот и всё, собрался и, имея при себе лишь портфель со сменой белья, вылетел в Минск, а утром двадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года сошёл на бетон аэродрома.

Доехав на автобусе вместе с другими пассажирами до центра Минска, я вышел и, осмотревшись, направился на местный рынок. Было раннее утро, город только просыпался, но, думаю, рынок должен работать. Добравшись до него, я осмотрелся и довольно кивнул: всё, что нужно, тут вполне можно было приобрести. У меня есть двое суток на подготовку, и я собирался использовать их по максимуму.

Рынок был мне необходим для покупки свежего продовольствия. Да, я знал, что смогу многое получить бесплатно, просто собрав брошенное советскими войсками при отступлении, или бегстве, что будет вернее. Однако не всё можно так найти. Свежее мясо, яйца, копчёные окорока я собирался приобрести тут. Да, денег не было, но я знал, где их взять. Клады. Ночью пойду на дело. А пока полдня потратил, делая заказы. Одних яиц свежих собирался купить почти пять тысяч, с местной птицефермы привезут, и ещё три тысячи домашних. Свежеубитые тушки кур, свиней, бычков. В общем, солидно получается. Одного солёного и копчёного сала выйдет под четыре сотни кило. Без шуток. А сыра и масла с молоком? То-то.

У меня с собой бутерброды были, хозяйюшка сделала, когда я Сочи покидал, на день хватало. А после полудня я пошёл на дело. У меня было несколько планов, как заработать. Можно сейф сберкассы вскрыть, однако это воровство, были бы тут немцы – другое дело, но сейчас нельзя. А вот поиски Взором нычек и схронов, оставленных с Гражданской, – это отличная идея. Именно на эти находки я и рассчитывал, когда делал заказы деревенским и торговцам на рынке.

То, что находки будут, я знал: пока по городу носился, заметил две на чердаках. Только пока не доставал, а вот сейчас пора. Пробежался по тем двум, по пути обнаружив ещё одну, и забрал. Царские банкноты не интересовали, хотя они встречались. Но было также много золо-

тых монет, ювелирных украшений и других ценностей. Оружие было: морской офицерский кортик, браунинг в отличном состоянии и в запасе полсотни патронов к нему. К полуночи таким образом семь схронов нашёл и вскрыл. Дважды хозяев будил, еле смог уйти.

Наутро проснулся я затемно, как по заказу, и побежал на окраину города. Я там договорился об аренде склада на двое суток, хотя пользоваться им буду всего несколько часов, пока не приобрету всё заказанное. Я голоден был: бутерброды съел, а деньги хоть теперь и имелись, но купить пока было нечего, так как магазины и чебурачные закрыты. Менять золотые монеты на те, что были в ходу, не придётся: один из схронов оказался свеженьким, там были советские рубли и монеты, около полутора тысяч. В случае чего за товар я находками платить буду, не думаю, что деревенские откажутся.

Добежав до склада, застал мужичка, мы с ним договорились на это время. Он получил деньги за аренду, а я – ключи. Распахнул створки и стал ждать. Да, именно так, я договорился с продавцами на рынке, чтобы мне всё везли сюда. Иначе как я на рынке при множестве глаз всё в Хранилище убирать буду? И так в прошлый раз чуть не спалился, тяжело было. За доставку доплату обещал.

Первыми прибыли деревенские мужики на двух подводах. На одной – двенадцать мешков картошки прошлогоднего урожая (свежего ещё не было), на другой – три столитровых бочонка. В одном – квашеная капуста, в другом – солёные огурцы с помидорами, в третьем – мёд. Тоже, естественно, всё прошлогоднее. А вот солёное сало, двадцать шесть кило, аж дышало свежестью. Было ещё копчёное, двенадцать кило, и два свежекочёных духовитых окорока. Ну и плюс шесть пятилитровых бутылей деревенского самогона. Кристальной чистоты самогон, на войне это очень серьёзная валюта. Сам я непьющий, но такой товар точно пригодится.

Мужики разгрузились, получили деньги (от золота действительно не отказались, взяли охотно) и довольные укатили. После них словно плотину прорвало: остальные как будто в стороне ожидали, пустив этих первыми на проверку. Может, так и было, Взор ничего не видел. Однако подводы и грузовики шли один за другим. Хорошо, я склад опустошил после первых, так что начали снова заполнять. Привозили говяжьи и свиные свежие туши, утром заколотые, куриные тушки, уже ощипанные. Свежий мёд, куриные яйца в ящиках или лукошках – я всё брал, причём с тарой. Где-то часам к десяти, когда накал снизился, подкатила полупорка. Двое приблатнённых приехали и, зыряка по сторонам, предложили мне рис в мешках, полный кузов машины, явно ворованный. Однако я взял, ментов поблизости вроде не было. Эти, что на полупорке, получив браслет с драгоценными камнями, довольные укатили, и, таким образом, к обеду я закончил. Всё, что хотел, купил. Потратил фактически всё, что имел на руках, только ювелирные украшения оставались, оружие и советские рубли.

Тут Взор дал понять, что к складу приближаются две машины, полные вооружённых людей, а со стороны других складов (их тут с десяток, мой крайний, чтобы сразу можно было найти) движется цепь. Похоже, милиция. А может, и госбезопасность. Заинтересовались массовыми скупками, да ещё за золото и ювелирку, вот и появились. Чёрт, окружили со всех сторон, обнаружил я их на границах работы Взора, когда уже был окружён. Надо что-то делать. И надо сказать, сделал.

Этот склад был соединён стеной с другими складами. Прикрыв створки, я бросился внутрь (сам склад уже был пуст), убрал часть стены в Хранилище и, перейдя в соседний, вернул эту часть стены на место, гвоздями забив проём, чтобы кусок не выпал. Цепь остановилась, держа территорию. Пришлось убрать очередной участок стены, метр на метр, переходя в следующий склад. Так я миновал шесть складов, почти все были забиты вещами и товарами. Цепь осталась позади. Выбравшись наружу и отряхнув одежду, я быстрым шагом направился прочь. Поймал попутку на окраине складских территорий и укатил в центр Минска.

В городе я первым делом зашёл в столовую, где отлично поел, а после, уже сытый, можно сказать, осоловевший, направился на рынок. Сегодня двадцать первое число, я планировал

покинуть город, но нужно совершить ещё некоторые покупки. Сперва я заглянул к местному еврейско-ювелиру и смог продать несколько ювелирных украшений, заработав четыре тысячи рублей, больше у того при себе не было. И вот тот же Колхозный рынок. Сегодня он был заполнен не так, как обычно, часть рядов были пусты. Ещё бы, продавцы везли свой товар ко мне на склад, а не на рынок. Первым делом у знакомого торговца (тот меня тоже узнал) я купил пять палаток. У него оставались не проданными три взводные палатки: большие, новенькие, неиспользованные ещё; как упаковали на фабрике, так и хранились. Ну и две командирские: одна большая, штабная, другая десятиместная, для сна.

После этого я купил крепкую повозку и двух справных коней со всей сбруей, они так и продавались вместе. На руки получил расписку о продаже. На повозку покупки сгрузил. Потом заметил, где продавали верховых, и купил отличного коня с седлом и уздечкой, со средствами ухода за ним. Буду учиться ездить верхом. Коня пока к задку повозки привязал.

Кроме палаток я купил шесть ковров, отличных, толстовязанных, маленьких и больших. Приобрёл также посуду: котлы разных размеров с треногами, сковороды, чайники. Два складных стола и с десятком стульев. Два сундука для хранения вещей. Шесть бидонов с керосином взял да коробки со свечами, три керосиновые лампы. Приобрёл патефон с запасом игл и пластинок.

Потом прокатился по столовым и чебуречным, закупая пироги, пирожки и чебуреки. Купив в хозмагазинах несколько фляг, смог приобрести около двухсот литров молока, которое ещё не успели распродать в магазинах. Вот масла тут мало, а сметаны совсем не было. Ладно, и так неплохо.

Укатив к парку и убедившись, что лишних глаз не было, я весь груз с повозки убрал в Хранилище, а следом и повозку с лошадьми; пока они мне не нужны. А сам, поправив одежду, направился по одному адресу. Там мотоцикл с коляской продавали, хозяин уезжал из Минска в Москву. Он на рынке стоял с табличкой. Хорошо, я увидел вовремя, перебил цену у другого покупателя, и мы договорились с хозяином техники. Мотоцикл тяжёлый, редкий в частных руках, модель ПМЗ-А-750. Чёрный. Хозяин пообещал помочь с оформлением, были знакомые для этого. Сегодня всё сделают.

Меня уже ждали, и я сразу осмотрел мотоцикл. Владелец не солгал: аппарату три года, а выглядит как новенький, накат всего полторы тысячи километров. К нему шли некоторые запчасти и инструменты (довольно солидная сумка), которые были загружены в коляску. Я уплатил полную сумму (как раз хватило), хозяин мотоцикла отдал деньги жене, и та унесла в дом (тут было частное подворье), а мне выдали расписку. Хозяин мотоцикла предложил также защитную амуницию (мы были одной комплекции), в которую входили кожаный шлем, очки, кожаная куртка и перчатки с защитой до локтей. Остатки налички я тратить не хотел, и тот согласился уступить всё за солидный мужской перстень, без камня, но золотой.

После сделки мы доехали от отдела милиции (я был за рулём, раз уж купил), и началось оформление. Работа неспешная, поэтому я прогулялся до парикмахерской, которую заметил напротив госучреждения. Виски и затылок мне почти обрили, лишь сверху осталась шапка волос с чёлкой, смотрелось стильно и красиво. Вернувшись, я получил документы на владение транспортным средством и небольшой чёрный госномер, который сразу и прикрепил.

Попрощавшись с бывшим хозяином моего мотоцикла, я покатил к выезду из города. Остановился лишь на заправке. Как ни странно, но на весь город только здесь была колонка для заправки мотоциклов. Запчасти с инструментами я уже убрал из коляски, а в неё сунул флягу. Залил полный бак, флягу и канистру и после этого покинул город, направившись в сторону Белостока.

Ехал через Барановичи. Карты не было, а тут основная трасса, надеюсь, не заблужусь. Как мне сообщили, от Минска до Белостока было триста пятьдесят километров. Сомневаюсь,

что доберусь до наступления темноты, но надежда умирает последней. Минск я покинул в три часа дня.

Гнал я где на тридцати, если дорога плохая, а где и на скорости пятьдесят километров в час. В основном как раз на пятидесяти. Хорошо, что не на машине, растрясло бы, а мотоцикл ямы пролетал только так. Ну, или объезжал, он манёвреннее машин. Часто колонны встречались, попутных не меньше было, дорога забита, пыли много. Сам я был в защитной амуниции, купленной у бывшего хозяина мотоцикла, и надо сказать, не зря. Нормально ехал, пылью правда покрылся, но за три часа преодолел около ста пятидесяти километров. Последние двадцать минут под восемьдесят гнал: участок дороги после ремонта был, позволял увеличить скорость, вот и проверил машину, как она себя ведёт на высокой скорости. Мне понравилось. Я считаю, что повезло.

До Барановичей чуть-чуть не доехал, решил, что пора остановиться. Одну заправку делал, но это мотоциклу, теперь сам поем и мотоцикл дозаправлю. Тут слева у посадки встала колонна крытых грузовиков. Не знаю, что везли, но охраняли бойцы НКВД, серьёзно, не подойти. Так мне грузовики и не нужны, а вот чуть в стороне с десятков бойцов у костра готовили ужин, к ним я и свернул, заглушив хорошо потрудившийся мотор и докатившись на остатке скорости. Мотоцикл остановился как раз метрах в пяти от костра. Бойцы с интересом за мной наблюдали. Вперёд вышел командир с кубарями в петлицах, сержант госбезопасности, как я понимаю. Я уже проштудировал книжицу с местными знаками различия и устав. Напридумывали – как сами не путаются? Или это чтобы врага сбить с толку?

Пока я слезал с седла, снимал очки и шлем, стягивал перчатки, сержант подошёл и, кинув руку к виску, представился:

- Сержант госбезопасности Караваев. По какому делу к нам?
- Да поужинать решил. В Белосток еду, надеюсь успеть засветло. Не прогоните?
- Нет, присоединяйтесь.

Изучив мой паспорт, он вернул его и кивнул, предложив поучаствовать. Я достал из коляски вещмешок, скинув куртку, подошёл к бойцам и стал доставать снедь. Простая, но сытная деревенская еда им понравилась, так что мы отлично поужинали. Мне налили горячей похлёбки, а я чебуреками к чаю поделился.

После ужина, пока бойцы собирались, я попрощался, заправил мотоцикл и, выехав на дорогу, начал нагонять колонну, которая только что прошла мимо. Догнал и обогнал, проехал Барановичи и, к своему удивлению, уже в восемь вечера был в Белостоке. До наступления темноты оставалось чуть больше часа. Узнал, где тут заправка, она у железнодорожного вокзала находилась. Заправил технику, пустую канистру и ещё одну флягу залил для запаса. Хорошо, литраж не учитывают, а то вряд ли столько выдали бы в одни руки.

Пока заправлялся, заметил, что у вокзала собирается народ, слушая какого-то командира. Подъехал к ним, скинул с себя куртку, шлем, очки и перчатки, убрав всё в багажник коляски, отряхнулся щёткой от пыли и, подойдя поближе и ввинтившись в первые ряды, стал слушать майора, даже не политработника, по эмблемам он артиллеристом был. Мускулистый здоровяк-красавец, сверкая гагаринской белозубой улыбкой, объяснял людям, что войны не будет, что это всё чепуха. Ну и всё такое. Мол, слушайте партию, она плохого не посоветует. А народ явно тревожился, чуял скорое начало войны.

Я заметил, что майор, разлагольствуя, всё поглядывал куда-то в сторону. Я заинтересовался и, приподнявшись на цыпочках, вытягивая шею, проследил за его взглядом. Теперь понятно, перед кем он мускулами играет, красноречием и зубами сверкает. Там стояла девушка, вся в моём вкусе, той ангелессе могла фору дать. Блондинка, примерно моих лет, лицо красавицы, грудь – явная троечка, прямая осанка, великолепное тело. Красивое платье длиной чуть выше колен облегало фигурку. Хмыкнув, я вышел вперёд. Надо заткнуть майора.

- Можно мне слово? – громко спросил я.

– Конечно, – улыбаясь, ответил майор. – Кто таков будешь, представься.

– Легко.

Подойдя ближе, я повернулся к людям лицом и громко сказал:

– Разрешите представиться, Максим Тихонович Гусаров. В недавнем прошлом комсорг на Минском сталелитейном заводе. Работал молотобойцем. Получил травму и был вынужден уволиться. Я устроился в редакцию газеты и теперь работаю внештатным корреспондентом. А теперь о причинах моего тут появления... Я должен сделать кадры бомбёжки Белостока и железнодорожного вокзала немецкими бомбардировщиками. Да, товарищи, начальство хорошо знает, что завтра начнётся война и в три часа пятнадцать минут утра германцы нанесут удары по всей западной границе.

– Ты что несёшь?! – в ярости прошипел майор. – Этого не будет никогда!

– Завтра и увидим, недолго ждать, – полуобернувшись, ответил я ему и продолжил объяснять гражданам: – Поймите, разведка столько разных дат сообщала командованию, что им перестали верить, поэтому сверху спустили преступный приказ: «Не поддаваться на провокации». Честно говоря, необходимо было бы эвакуировать граждан из приграничных территорий, вывезти семьи комсостава. В ином случае командиры будут не воевать, а спасать свои семьи, им они роднее, и о защите Родины вопрос даже не встанет. Людям придётся отступать по дорогам, под постоянными бомбёжками и расстрелом с воздуха. Немцы не делают различия между военными, некомбатантами и гражданским населением, убивать будут всех. Поэтому уходите не основными дорогами, а второстепенными, лесными и полевыми, так шансов выжить больше. На этом, простите, всё, мне нужно устроиться в гостинице, чтобы встать пораньше и заснять бомбёжку.

Отойдя от взбешённого майора, я прошёл через толпу, отметив, что девушка куда-то исчезла. Сам я быстро сел на мотоцикл, даже защиту надевать не стал, запустил не успевший остыть мотор и рванул с места, а то в мою сторону уже направлялся патруль, науськанный майором. Вот так вскоре я покинул город. Хорошо, успел удрать, а то быстро привлекли бы за антисоветчину. Надеюсь, кто-то задумается после моих слов.

Город окружали леса, так что, укатив километров на пять и добравшись до ближайшей опушки, я съехал с дороги. Там, скрывшись за кустарником, убрал мотоцикл в Хранилище и, уже когда начало темнеть, прогулялся дальше пешком. Взор, дальность работы которого за это время увеличилась до двухсот семидесяти трёх метров, показывал впереди лесное озеро.

Вода в озере была кристально чистой. Подумав, я решил, что иметь запас воды не помешает: это тут, в Белоруссии, с источниками воды проблем нет, а что если занесёт в пустынную местность? В общем, зачерпнул двадцать тонн. Потом достал коней с повозкой, расседлал, напоил, помыл, заодно и сам накупался в ледяной воде, и оставил пастись на ночь, пусть отдыхают.

Сам я пробежался в сторону, Взор на границах дальности показывал, что там что-то есть. И действительно, обнаружил в лесу армейский склад: ящики какие-то, всё масксетями и брезентом укрыто. Взор показал, что это явно тяжёлое вооружение. На ограде была колючая проволока, и охрана стояла в виде взвода, часть в палатке, другие охраняют. Вообще, интересно, завтра наведаюсь сюда. Кажется, там миномёты и крупнокалиберные пулемёты. Склад тяжёлого вооружения. Стоит отметить, что оружие-то есть, а вот боеприпасов к ним с гулькин нос, у въезда складированы ящики с минами и патронами, но мизер.

Палатку ставить не стал, а чуть подальше от озера (на берегу слепни заели), уже когда стемнело, расстелил шкуру и, устроившись на ней и завернувшись в одеяло, вскоре уснул. Одежду и обувь снял, в трусах и майке спал. Ранее, после того как с лошадьми закончил, я постирал верхнюю одежду, покрытую дорожной пылью, и повесил её сушиться, а сам надел сменку. Вот так и вырубился. Как же я устал.

* * *

Проснулся я от звуков бомбёжки и рёва авиационных моторов над головой. Сел, зевая, и посмотрел на лошадей, те тоже ушами крутили, прислушиваясь. Встал и занялся делами: умылся, позавтракал, почистил зубы и оделся, лошадей и повозку отправил обратно в Хранилище, верхового только оставил и оседлал. И всё прикидывал, правильно ли я сделал, не сообщив о том, что знаю? Особой вины за молчание я не чувствовал: ведь ничего бы не изменилось. Правительство и генералы даже своей разведке не верили, кто я им? Только внимание привлеку. Нет уж, правильно сделал, не хочу, чтобы обо мне знали. Тихая, спокойная жизнь мне больше по нутру.

Особо торопиться мне смысла не было: пока немцы наших отсюда не выбьют, замкнув в колечке массу войск, собирать военное имущество не стоит, оно пока ещё считается чьим-то. Есть вот такие временные склады в лесах, но на них пока не сунешься: там охрана в усиленном режиме, стреляют на звук. Поэтому я решил пока потратить время на то, чтобы собрать координаты по другим складам, какой где находится и что там хранится. Потом, когда охрана разбежится, будет проще всё в Хранилище убрать. Так я и сделал. Проверил свой склад тяжёлого стрелкового вооружения (охрана была на месте) и, со второй попытки забравшись на коня (опыта верховой езды у меня мало), неторопливой трусцой двинул прочь, выискивая маршрут благодаря Взору.

Работал я весь день. Дважды пришлось стрелять: на сбитых немецких лётчиков наткнулся, в разных местах. Брал их неожиданно на прицел, заставлял снять с себя всё и расстреливал обнажённых. Ничуть не жаль было, и сомнений в этом деле не испытывал. Война идёт, сами напали. Трофеи отправил в Хранилище. Наткнулся также на разбитый немецкий бомбардировщик в лесу и, используя инструменты, которые с мотоциклом достались, открутил три целых зенитных пулемёта, они в хвосте были и потому уцелели. В самолёте нашёл двоих погибших, забрал у них документы и личное оружие. Посмотрел обувь – отличная обувь, у одной пары мой размер, её тоже забрал. Очки с зеркальным напылением у одного были, прихватил. Все боеприпасы, которые нашёл, тоже прибрал.

А вообще, свой замысел я выполнил: таких временных складов в лесу вокруг нашёл огромное количество, но охрана была везде. Меня интересовали винтовки, желательны СВТ, захламлять закрома «мосинками» не буду, если только снайперскими. Нужны пистолеты-пулемёты, пулемёты, что ручные, что станковые, что крупнокалиберные, особенно зенитные. На том складе, который я первым обнаружил, такие вроде были. ДШК, миномёты, пушки, полевые кухни, грузовики и танки, топливо – это всё меня интересовало. Склад продовольствия – тоже. На складах я нашёл почти всё, кроме техники и танков.

Вот так и закончился первый день. Ночь я провёл у того, первого склада. Людей практически не видел, только цепи, прочёсывающие леса. Оба раза это были армейцы, видимо, искали кого-то, возможно даже, немецких лётчиков, раз их тут так шустро сбивают.

Утром двадцать третьего июня, позавтракав, я сбежал посмотреть на склад. Охрана на месте, и ещё грузовик появился, стоял у въезда. Обычная полуторка с открытым кузовом; кажется, завтрак привезли. Вернувшись, я оседлал коня, делал это уже уверенно. Не обращая внимания на боль в ногах (попробуй с непривычки столько времени в седле провести), снова забрался на него и уже уверенно, стегнув поводьями по бокам коня, поскакал прочь. Вскоре выйдя к дороге на Белосток, я стал двигаться по лесу параллельно трассе, обходя болотца и озёра. Приметив, что на обочине стоит танк (Взор указал), а дорога опустела (обед), я вышел к нему. Он с воздуха не виден, под деревьями стоял. Новенькая «тридцатьчетвёрка» радовала глаз. Пулемёты, похоже, сняты: стволов не видно. Люки закрыты, фара одна спереди. Видимо, танк брошен. Следы гусениц рядом, как будто его сюда отбуксировали. Охраны нет,

бери кто хочет. Однако подходить я не стал, изучил конструкцию Взором: похоже, коробка переключения передач полетела, металл не выдержал. Нашёл я поломку. Не стал забирать боевую машину. Может, сюда ремонтники придут, отремонтируют, и та будет решающим фактором в каком-нибудь бою? Нет, я так наших подвести не могу. Вот уйдут, всё побросав, тогда другое дело.

Ближе к вечеру, когда как раз поужинал, я услышал стрельбу неподалёку: несколько выстрелов, вроде винтовки, и дудукнул короткой очередью пулемёт. Рядом был мой конь, которого я назвал Огонёк. Он любил скорость, я по лесным дорогам уже галопом скакал. Но только один раз: чудом удержался в седле, поэтому больше не рисковал. Так вот, Огонёк на звуки стрельбы тоже насторожился, вслушиваясь и поводя ушами. Быстро прибравшись, поскольку возвращаться сюда не планировал, я убрал коня в Хранилище и побежал в сторону места стрельбы, сжимая рукоятки наганов.

Уже через пятьдесят метров Взор показал мне лесную дорогу, на которой застыла командирская «эмка», убитого водителя, свешивающегося из открытой двери, и одиннадцать нападавших. В данный момент те тащили в лес девушку, лапая её и срывая одежду. Похоже, та была пассажиркой в машине. Семь в лесу, двое на подстраховке, ещё двое машину осматривают. Убитого водителя уже вытащили и, бросив у машины, снимали ремень с подсумками, из машины достали карабин Мосина. Кстати, остановили их просто: доска с гвоздями была на дороге. Хорошие шипы, машине хватило. Жаль, двигатель прострелен: видимо, когда водилу убивали, зацепили.

Моё появление на дороге стало полной неожиданностью для бандитов. Судя по разным элементам формы и гражданской одежды, работали поляки. Я сразу же с двух рук выстрелил; пулемётчик и часовой, которые охраняли своих, были готовы. Первый уткнулся лицом в приклад своего оружия, а второй повалился на траву. После этого я резко развернулся, вставая на одно колено, и открыл огонь по тем двум, что были у машины. Одного сразу наповал, а второй перекатом попытался уйти, я три патрона потратил, пока его достал. От основной группы сюда уже бежало пятеро, а двое остались с девушкой: один держал её за руки, а второй снимал штаны, пристраиваясь у неё между ног. Странно, тут бой идёт, а они её трахнуть хотят. Неужели такое впечатление произвела?

На ходу перезарядить оружие, особенно такое, трудно, так что я убрал наганы и достал два вальтера. Они мне с убитых лёгчиков достались, парабеллум и три вальтера. Я их уже изучил, разобрал и смазал, хорошее оружие; жаль, патронов маловато. Пропустив тех пятерых стороною и сделав крюк, я вовремя оказался рядом с не состоявшимися насильниками. Выстрелил в того, который уже пристроился возле девушки, а после и по второму. Первого пуля не убила, добил подранка и стащил его с девушки.

– О как! Знакомые всё лица, – весело хмыкнул я, изучая уже знакомую мне красавицу с железнодорожного вокзала Белостока.

Да, не удивительно, что поляки так на неё возбудились, мужики есть мужики, какой бы нации они ни были. С трудом отведя взгляд от обнажённого тела, я сказал:

– Уходим, сейчас остальные вернутся.

Мы не успели. Пока я поднимал пребывавшую в шоке девушку, Взор показал, что оставшиеся поляки уже бегут обратно, среагировав на выстрелы в тылу. Зло ругнувшись, я бросил девушку там, где она лежала, закрывая руками прелести, а сам, сорвав с плеча убитого бандита ремень карабина Мосина, встал за ближайшее дерево и, вскинув ствол, почти сразу выстрелил. Бандиты меня ещё не видели, но Взор их видел вполне, показывая удобную траекторию для выстрела. Первая же пуля попала в живот одному из пятёрки, и тот упал, оглашая лес криками и стонами. Быстро открыв затвор, выбивая стреляную гильзу, я дослал новый патрон и выстрелил по другому бандиту. Тот забирал сильно правее, обходя, и пуля попала ему в грудь.

Тоже подранок, тяжёлый. Потом пробегусь, добыю. Следующий выстрел попал в голову вожаку, именно он отдавал команды.

А вот оставшиеся двое, развернувшись, побежали обратно к дороге. Одного я успел свалить пулей в спину, за вторым пришлось побегать, через километр только смог достать. Подошёл, добил, собрал трофеи и пробежался по остальным. Оружие убитого водителя тоже забрал, трофей, снятый с поляков. Из «эмки» я достал чемодан, видимо, принадлежащий девушке, и направился с ним обратно. Неподалёку послышался рёв моторов нескольких грузовиков. Подбежал к девице, которая уже успела прийти в себя и заполошно подпрыгнула, когда я появился у неё за спиной и дунул ей в ухо. Она уже успела вооружиться германским карабином, снятым со второго трупа. Пришлось перехватить ствол рукой, чтобы не пристрелила.

– Спокойно, это я. Все бандиты уничтожены. Вот, видимо, твой чемодан, оденься, если есть во что.

Сам я отвернулся, а девушка, поблагодарив, скрылась в кустах. Колонна грузовиков, на которых везли раненых, как я видел (дальность Взора была уже триста шесть метров), остановилась у расстрелянной «эмки». Со стороны колонны вышли два командира и несколько красноармейцев из водителей с винтовками в руках. Я с помощью Взора с интересом за всем этим наблюдал. А когда вернулась девушка в уже знакомом мне платье с вокзала и в туфельках, я сказал:

– Там на дороге наши. Автоколонна с ранеными. Они тебя заберут.

– Спасибо ещё раз, – сказала та и подошла, клюнув губами мои губы. Неожиданно.

Нет, так дело не пойдёт. Ухватив девушку, которая была на полголовы выше меня, под попку и прижав её к себе, я впился поцелуем в её губы, быстро обнаружив, что целоваться она совершенно не умеет; вот и пришлось устроить экспресс-урок. Заметив, что у колонны забегали и, похоже, сейчас уедут, я с сожалением оторвался от податливых сладких губ и сказал:

– Бежим, а то колонна уйдёт.

Подхватив чемоданчик, я взял девушку за руку, и мы побежали к опушке. Там, не выходя, укрывшись за деревом, я крикнул:

– Эй, у колонны! Не стреляйте!

– Кто такие? – последовал вопрос.

– Со мной девушка из легковушки. А я так, мимо проходил.

– Выходи, стрелять не будем.

Мы вышли и направились к машинам. Водилы тревожно изучали лес, сжимая оружие, а я слушал объяснения девушки.

– Мы с этой колонной ехали, у них что-то сломалось. Думали, доедем до главной трассы и там присоединимся к какой-нибудь колонне. А водителя отца убили, – вздохнула та.

– Бывает.

Передав девушку медикам, которые, похоже, её знали, я услышал адресованный мне вопрос одного из них, который, судя по трём кубарям в петлицах, был старшим военфельдшером:

– Это ты всех бандитов уничтожил?

– Пришлось.

– Сколько их было?

– Одиннадцать. Все легли.

– Хм, и один всех? – удивился тот, после внимательного изучения возвращая мой паспорт.

– Да, я охотник, а они в лесу, как стадо слонов. Несложно было... Тихо! – Я замер и закрыл глаза, делая вид, что слушаю лес, а после добавил: – Там дальше кто-то к нам идёт. Я сбегая, посмотрю.

Уже через две минуты я пинками выгнал на дорогу двух немецких лётчиков, которые шли с поднятыми руками, передал их оружие и документы старшему колонны, тому самому старшему военфельдшеру. Мы попрощались, поскольку уже темнело, и они торопились. Так незнакомка с ними и укатила. Ну ладно, хоть один поцелуй был, но мой.

Колонна, в которой было девять машин, без зенитного прикрытия, ревя моторами, укатила, а я побежал к тем двум несостоявшимся насильникам, поскольку только с них трофеи снять не успел, хотя карабин девушка мне отдала. Снял с них подсумки, по карманам прошёлся и задумался. Они без вещмешков были, а так не должно быть, значит, мешки где-то неподалёку укрыты. Проверил Взором – ничего. Стал накручивать круги, и через полчаса – есть сигнал. В овраге их вещи были схоронены. Быстро пробежался, снял мину, что там была поставлена, выкинул всё ненужное, а остальное убрал в Хранилище. Боеприпасов было много, одна мина нажимного действия и три ручных гранаты. Оружие разное, пулемёт вообще чехословацкий ZB-26, британцы пользуются его клоном под названием «Брен». Но хоть такие трофеи. Вскоре я уже бежал прочь от этих мест.

Обнаружив ещё один склад, похоже, ГСМ, я запомнил, где тот находится, устроился неподалёку на ночёвку и вскоре уснул.

Всю ночь мне мешал спать рёв движков на складе: отправляли очередную колонну с топливом. Запасы склада стремительно сокращались: их, видимо, вывозили или отправляли в части, где была необходимость в топливе. После завтрака я занялся чисткой оружия, своего и трофейного, два часа на это убил. Немало времени занимало незнакомое оружие, с которым по ходу дела разбирался, изучая, но всё почистил, зарядил и приготовил к бою. После этого, собравшись, побежал прочь, двигаясь параллельно границе в сторону Бреста. Решил сегодня добираться на своих двоих, всё же поездки верхом меня доконали, болели мышцы и натёртые места.

Хутора встречались мне до этого не один раз, вот и тут очередной пропустил мимо по правому боку. Но не успел удалиться и на два километра, как Взор засёк машины. Остановившись, я изучил стоянку техники. Похоже, там овраг, и в овраге стоят друг за другом три грузовика. Два ЗИС-5 с открытыми кузовами, гружённые бочками, не пустыми, похоже, что с топливом. И полуторка с крытым кузовом, а в ней – ящики с патронами. Полный кузов, машина аж присела.

Подбежав к схрону, который, я был уверен, принадлежит ближайшим хуторянам, я убедился, что машины с бою взяли (следы пуль видны), но они на ходу, в баках было топливо. В бочках – авиационный бензин, на них и маркировка авиационных частей была. А вот патроны в полуторке, судя по маркировкам, пулемётные. Вся технику с грузом я отправил в Хранилище, это теперь моё. После этого побежал обратно к хутору, проверяя окрестности на возможные схроны. И не ошибся, метров через пятьсот наткнулся на законсервированное убежище с запасом продуктов и оружия. В принципе, ничего интересного там не было, но не поленился, спустился и всё забрал, особенно порадовали три ящика с патронами к моему трофейному пулемёту. После этого поставил растяжку на замаскированный люк: поднимут – подорвутся.

Когда добежал до хутора, обнаружил, что его охраняют собаки. Пришлось ползком подбираться и исследовать всё Взором. Находки были: оружие и три схрона, в одном из которых двенадцать жителей хутора, из них четверо взрослых мужчин и старик, видимо хозяин, держали троих пленных. Вообще, я немало хуторов видел, местные жители нормальные, белорусы вообще мирные люди, бандитов среди них крайне мало, но вот «повезло» нарваться на таких. Что ж, будем прижигать, как нарыв с гноем.

Тянуть я не стал, достал винтовку Мосина, у неё бой неплохой, и, прицелившись, выстрелил. Почти сразу выбил гильзу, досылая следующий патрон, и снова выстрелил. Двое, что смодили подвешенную на балке свинью, упали рядом. Вот так, пользуясь неожиданностью, с двух-

сот метров уничтожил двух бандитов, мужчин в самом расцвете сил. Стоял я за деревом; упав на землю, отполз подальше, хотя по мне не стреляли, и, отбежав, стал обходить строения с другой стороны. Хутор окружён лесом, это было мне на руку. Жаль, двухсотметровая полоса с оградами вокруг не давала работать ближе, но и так неплохо.

Вот старик, скрываясь в глубине дома, пытается рассмотреть, что происходит снаружи, в руках у него бинокль. Выпущенная мной пуля попала ему прямо в грудь. Следующая – в мужчину, который подскочил к старику. Мужчину я убил наповал, а старик ещё жив. Его женщины утащили и спустили в подпол, там ещё детей прятали. Последний защитник хутора, с ручным пулемётом Дегтярёва в руках, когда пытался пристроить его в сених, откуда отличный вид на двор был, словил от меня пулю в голову. Две женщины подняли винтовки, но я выстрелил, положив пули рядом с ними, намекая бросить оружие. Не вняли, два выстрела – ещё два труп.

Взяв в плен выживших, которые сразу сдались, я загнал их в сарай. Старик ещё дышал, поэтому добил его. После этого начался сбор трофеев. Забирал я почти всё, что приглянулось: тушу свиньи и требуху, ливер, печень, сердце, которые в тазу лежали. В одном из схронов было множество ящиков с советской тушёнкой, по маркировке – выпуск этого года, тут грузовика два будет. Во втором – множество товаров, явно из магазина. Всё забрал. По дому прошёлся, постельное бельё чистое из сундуков и шкафов прибрал, пригодится. Дров поленицу. Потом только освободил пленных. Из оружия я забрал пулемёты, это были тот ДП из сеней и такой же чехословацко-британский «Брен», что мне ранее попался. Что радовало, патронов к обоим хватало: тут, на хуторе, к чехословацкой машинке ещё пять ящиков нашёл. Запасливые бандиты. Даже два ящика ручных гранат были, советских, РГД-33.

Пленные оказались интересными. Двое сотрудников НКВД, один из них – лейтенант госбезопасности, судя по капитанской шпале, второй – простой боец. Избиты так, что с трудом держались на ногах. Третий ещё интереснее, аж полковой комиссар. Похоже, бандиты отбирали самых ценных пленных, за которых, при передаче их немцам, могли получить разные блага. Комиссар тоже был помят. Я помог им подняться наверх, попутно рассказав о бое с бандитами и о том, что выжившие заперты в сарае. В сундуке я нашёл сотню красноармейских книжек и командирских удостоверений, в том числе и документы освобождённых мной, и отдал им все. Пленные вооружились винтовками, которые грудой лежали во дворе, и сразу обрели уверенность. Я оседлал коня, запряг его в телегу и отправил их по дороге в сторону трассы, там они встретят наших.

Сам же прибрал в Хранилище с десятков кур, пять коз, шесть свиней, трёх коров и бычка, а также одного из двух оставшихся коней, да ещё велосипед. Оружие я облил керосином и поджёг (мне оно без надобности), после чего покинул хутор, выпустив перед этим из сарая выживших хуторян.

Выбежав на узкую лесную дорогу, я достал свой мотоцикл и погнал дальше. Решил в Кобрин наведаться. О постах и встречных, надо сказать, редких, колоннах, узнавал заранее и уходил в сторону. Потом возвращался на трассу и так, всю ночь потратив на дорогу, добрался до немцев. Уже под утро я рассмотрел вдали дорогу на Кобрин, забитую брошенной советской техникой, там стояли на ночёвке немецкие войска. Ну, наконец-то, теперь поработаем. Там, я вижу, и танки есть, включая несколько исполинских силуэтов КВ-2. Кстати, час назад Взор перешёл отметку работы в четыре сотни и два метра.

Однако сдвинуться с места я не успел, округа осветилась, рядом со мной завис ангел и знакомым голосом Михаила сообщил:

– Нам нужно поговорить.

– Отобрать умения хотите?! – сразу выверился я. – Хрена! Всегда так: только всё хорошо, и нате вам мордой об стол! Все авторы альтернативок этим грешат.

– Нет, я по другому поводу, – мягким голосом остановил мою вспышку ярости Михаил.

– Да? Тогда ладно. Кстати, то, что ты нас тут на холме подсветил, не опасно?

– Меня видишь лишь ты.

– Ты Михаил?

– Я его аватар. Мы не спускаемся с Чертогов.

– Копия, значит? Ладно, копия, говори, чего нужно, – пробурчал я, осматривая окрестности.

До рассвета с полчаса, до Кобрина, по моим прикидкам, недалеко, вроде его огни на горизонте, так что я там, где нужно. Дороги пусты, немцы на ночёвке стоят, хотя по ночной трассе Кобрин – Минск изредка пролетали мотоциклы, пару раз патрули, две-три машины, трижды посыльные на одиночках. Были видны огни костров тех частей, что встали на ночёвку рядом с дорогой. Тут были только немцы, наших я не видел. Опция «Кошачий Глаз» отлично помогала осматриваться с холма. Именно этим я и занимался и как раз заметил какое-то движение слева: по полю вдоль дороги в мою сторону, то есть в сторону советских территорий, шли несколько человек. Но рассмотреть подробно я не успел, Михаил появился, аватар его.

Ангел предстал в виде крупного мускулистого мужчины с золотистыми локонами, в белой тунике и при белоснежных крыльях. Висел, не двигая крыльями, метрах в трёх от земли, светясь вокруг метров на сто. Меча и нимба не было. Надо узнать, что ему нужно, так что я стал ожидать ответа.

– Никто твои новые умения отбирать не будет, только ты сам можешь отказаться от них. Причём это должен быть осознанный отказ, фактически крик души.

– Не дождётесь, – с холодком в голосе пообещал я.

– Догадаться было не сложно. Но причина моего тут появления всё же именно в них. Наш артефакт-аналитик, Глас Господа, дал сорокапроцентную вероятность того, что ты уничтожишь этот мир: он схлопнется. А это очень много: уже при двадцати процентах вероятности стоит волноваться, а тут – сорок. Такое уже происходило четырежды, тысячелетия назад, пока мы не разобрались и не приняли меры, впоследствии не раз купировав подобные случаи. В основном виноваты были маги: строят порталы и перемещаются на Землю в разных её вариациях – она многомерна, параллельные миры, если тебе так понятнее. Маги, появляясь в этих мирах, творили что хотели. Кто мирно жил, изучал и уходил, а кто к власти рвался. Последние и доводили миры до такого коллапса.

– А я чем повредить могу?! – удивился я.

– Ты в разных вариациях, которые скомбинировал Глас Господа, помогал Советскому Союзу в войне. Перекидывал Хранилищем целые части, отправляя в тыл к противнику, а также припасы для них, благодаря чему победа стала ближе и не такой кровавой. Но. Всегда найдётся противодействие: немцы, усиливая поиски, призывают разные сущности, могут даже вызвать Инферно. Ты и есть тот дестабилизирующий фактор. Если бы не твоё появление, защита изнанки мира не истончалась бы, и такое было бы невозможно.

– И как этого избежать?

– Ответ один: не связывайся с политикой. Живи как хочешь, но не привлекая к себе внимания.

– Да, в принципе, я так и хотел. Мысли о заброске танковых частей в тыл противника – это лишь так, отголоски мыслей и идей, серьёзно я об этом ещё не думал. Скажи, Михаил, теперь во всех мирах, где я появлюсь как Путник, я буду становиться таким дестабилизирующим фактором?

– Нет. В данном случае то, что ты стал им, наша вина, – признался Михаил.

– О как? А подробности?

– Это сложно объяснить. Тебя должны были отправить в этот мир по форме «Ноль шесть – У», а отправили по форме «Ноль шестнадцать – У». Это наши бюрократические заморочки.

– Я уже понял. И в чём разница?

– При первой форме ты лишь путешественник, не наш клиент. При второй ты тоже путешественник и не наш клиент, но отмечен как аватар Демиурга.

– Э-э-э... И что это?

– Версий в мирах Земли много. Кто-то считает, что Демиург – это творец, тот, кто изготавливает вещи, работник. Жители Древней Греции называли его свободным ремесленником, и, согласно мифам, это божество, которое создает Вселенную из беспорядочного вечного хаоса. В действительности же это создатель физического мира с начальными элементами зла и грехопадения. А с точки зрения идеалистов, Демиург предстаёт как духовное создание, безупречное начало, творящее Вселенную.

– Это что, я ношу частичку Бога?

– М-м-м, нет. У нас с адом одна бюрократия, и копия ушла к ним. Если ты начнёшь творить громкие дела, для них это будет как красная тряпка для быка. Они начнут раскачивать мир.

– А им это зачем? Они-то что теряют с потерей мира?

– Только приобретают. А тут законный повод вмешаться.

– То есть мне нужно не лезть, не звучать, громкие дела не совершать.

– Это можно, громкие можно. Не нужно только совершать дела, влияющие на историю. Ты можешь воевать сам, стать известным, но никакого вмешательства с помощью твоих умений.

– Я хочу набрать брошенного имущества и использовать его в той части, где буду служить. Желательно интендантом. План такой.

– Это сколько угодно. Не используй Хранилище для переброски войск. С этого всё и начинается, как показывает Глас Господа.

– Не совсем понятно, какое-то однобокое объяснение. Получается, сам я могу делать, что пожелаю, набрать полное Хранилище имущества и по-тихому использовать. Но одно дело, когда какая-то армейская часть в тылу советских территорий получает неизвестно откуда оружие и технику, и другое – когда часть, находящаяся, по данным немецкой разведки, в тылу советских войск, вдруг появляется уже в тылу у них и громит всё, что видит, а потом исчезает непонятным способом.

– Всё так.

– Хм, ясно. А не проще просто сменить эту форму?

– Бюрократия... – протянул Михаил.

– Охренеть. Им проще меня в рамки загнать, чем бумажку переписать. Лень и до вас добралась?

– Тут дело в другом. Пока всё будет оформлено, ты тут лет сто прожить успеешь, если мир раньше не схлопнется.

– Захотели, так сделали бы. Ладно, что вы мне дадите за согласие?

– О чём ты?

– Ещё одно умение подарите, и, считай, мы договорились.

– Я не Михаил, я аватар, и находимся мы не в Чертогах. Тут серые пространства, проявление Божественной благодати очень затруднено.

– То есть нет?

– Нет. К сожалению, отблагодарить мы тебя не сможем.

– Ладно, чувствую себя святым и дарю вам такое своё решение. Должен же я вас как-то отблагодарить. Тем более и так были планы не высываться.

– Благодарю, Виталий. Надеюсь, мы ещё увидимся.

– Как-то не особо и хочется, – пробормотал я, когда аватар исчез, и всё вокруг снова погрузилось во тьму. – Появился, испортил настроение и исчез. Гад святой, ничего святого у

тебя нет. Мне такого счастья во второй раз не нужно... Хм, и почему у меня такое чувство, что меня надурили?

Включив опцию ночного зрения, которая была отключена (не работала рядом с аватаром, ослепляло), я осмотрелся. То, что нас не видели, было ясно: всё вокруг дышало спокойствием. Никакой тревоги. Те неизвестные, что шли в мою сторону, приблизились, и я смог их рассмотреть. Похоже, наши, окруженцы. Пехотинцы, несколько фуражек пограничников мелькало, раненых несли на самодельных носилках. Пока мы с аватаром общались, они подошли, а когда тот исчез, как раз проходили мимо меня у подножия холма. Всего триста семнадцать бойцов и командиров насчитал. Командиров вроде трое. Их легко опознать: вырядились, как петухи, отличная цель для снайперов. А так я с пограничниками их путал, они меня своими фуражками сбивали с толку.

Ожидая, пока они пройдут, я проанализировал разговор с аватаром: мне явно многое не сообщили, но ведь я и сам планировал не высовываться, так что последую данному мною слову. Мотоцикл я уже убрал, так что, свернув в сторону, забрался в большой стог сена и вскоре уснул. Уже светало, а следующей ночью много работы предстоит, нужно отдохнуть.

Когда стемнело, я достал в качестве средства передвижения велосипед с хутора, оседлал его и покатил с холма, притормаживая на кочках, чтобы не полететь кувырком, и двигаясь на большой скорости, разгоняясь на склоне. Выкатив на слабо укатанную полевую дорогу, больше похожую на тропинку, я по ней добрался до шоссе. Там убрал велосипед, потёр ладони друг о друга и приступил к делу. Давно пора.

Честно сказать, благодаря Взору я уже видел, что целых находок мало, но мне хватит и того, что есть. Стараясь двигаться так, чтобы меня не засекли немцы, я быстрым шагом, да почти бегом, на ходу изучал встречающуюся технику сканерами Взора, определяя, что стоит брать, а что нет. Таким образом, помощь Взора сильно сокращала мне время на исследование находок. Подбегая, я уже знал, что брать, так что, редко когда останавливаясь, на ходу убирал находки в Хранилище и бежал дальше.

Вот впереди подбитая машина, повреждения в основном нанесены авиацией, не ввали хроника. Взор уже показал, что там полный кузов ящиков с винтовками СВТ, несколько верхних ящиков вскрыто, оружие пропало: видимо, немцы из пехоты забрали. Находка интересная.

Кроме ящиков с оружием я также забирал в Хранилище продовольствие, боеприпасы, обмундирование, после чего бежал дальше. Вот так, потихоньку, и подчищал дорогу от всего ценного. Всю ночь работал, пока утро не наступило.

Когда рассвело, я уже километров на сорок, снова двигаясь на велосипеде, удалился от Кобрина. За это время я смог собрать немало из брошенного военного имущества, ранее принадлежавшего Красной Армии, а теперь, соответственно, мне. В принципе, позднее я почти всё, что собрал, верну в войска. Только это произойдёт, когда я сам вступлю в ряды РККА. Хочу заметить, что в армию тут призывают с двадцати лет, я этого не знал и был сильно удивлён. Видимо, ситуация с потерей территорий была настолько плоха, что планку призыва начали снижать. Вон, Москву семнадцатилетние пацаны защищали. Так что, думаю, и до моего возраста дойдёт. Но это когда я уже в Москве буду, я планирую именно там призываться. Куплю домик, оформлюсь, и потом попаду под призыв, планы такие. Но нужно, чтобы перед отправкой в столицу у меня закрома полные были. Да и насчёт дома я загнул: я ведь чисто городской житель, так что только квартира. Коммуналку не хочу. Договорюсь как-нибудь.

Так вот, по списку. Из бронетехники, причём и целой, и такой, которую можно быстро восстановить, я взял следующее: два КВ-2 на ходу и три таких, которые можно будет вернуть в строй; четыре КВ-1 на ходу и шесть, подлежащих восстановлению; девять Т-34 на ходу и восемь таких, которые можно будет отремонтировать. Сильно повреждённые и сломанные танки я не брал, поэтому было у меня ещё четыре Т-28, восемь Т-26, семь БТ-7, один артил-

лерийский БТ-7А, четыре БТ-7М и двенадцать Т-38. Все они были на ходу, с полными боекомплектами, но без топлива. Почти на всех частично или полностью были сняты пулемёты – видимо, экипажами. Там была сборная солянка разной техники, но я брал однотипную. Заправлю потом. Из бронемашин (тоже брал только те, что на ходу) было девять БА-10, восемнадцать БА-10М и четыре БА-20. Были там ещё какие-то бронемашинки, но их я не брал. А вот эти вполне неплохи, пусть будут.

Из линейки артиллерийских тягачей у меня было двенадцать лёгких тягачей «Комсомолец», все на ходу, без топлива, плюс восемь с полкомками; три тяжёлых тягача «Ворошиловец» на ходу и ещё два сломанных; два средних гусеничных тягача «Сталинец-2», оба без топлива; семь гусеничных тягачей СТЗ-5-НАТИ на ходу плюс два повреждённых. Ещё можно отнести к грузовикам два автотягача с полуприцепами. Я такие машины тут и не видел, настоящие дальнобойщики. Оказалось, это ЗИС-10. Хорошо, что прицепы присутствуют. У одного скаты прострелены, но сам на ходу, это просто отлично. Также к тягачам я отношу и тракторы, а именно одиннадцать тракторов «Сталинец-65» на ходу плюс два сломанных и три трактора «Сталинец-60», все на ходу, с топливом – видимо, бросили, когда немцы стремительно нагнали.

Из автотехники моими находками стали тридцать шесть грузовиков ЗИС-5. Некоторые из них были брошены целыми, с полными баками, другие – с пустыми. У многих был груз в кузовах, но о нём потом. Ещё было сорок три полуторки, шесть специализированных бензовозов (эти целые, но сожжено было больше), восемь ГАЗ-ААА, девять «эмков», четыре ГАЗ-А, фаэтон. Был ещё один пикап, я нашёл его брошенным в кустарнике в стороне от дороги, рядом с автоколонной. Почти два десятка машин в ней было, две трети в Хранилище ушло. К автотранспорту отнесу и мототехнику, тем более, нашёл её мизер. Из целой, не расстрелянной и не подавленной, было шесть лёгких одиночек трёх разных моделей и типов, четыре тяжёлых М-72 с колясками и два таких же МПЗ, как тот, что я купил и оформил на себя. Вот и всё. Вся техника в цвете хаки.

Что по артиллерии? Начну с зенитной. Не особо мне на неё везло, поэтому всего восемь уцелевших единиц. Начну с тяжёлых. Это две 85-миллиметровые зенитки, которые стояли на обочине в транспортном положении, прицепленные к двум артиллерийским тягачам «Сталинец-2». Они были комплектные, даже прицелы на месте. В одном тягаче мехвод винтовку свою забыл. Снарядов к этим орудиям за ночь я так и не нашёл. Потом были четыре 37-миллиметровые зенитки. Явно батарея, они были прицеплены к четырём ЗИС-5. Тоже всё брошено и комплектно, только стояли не у дороги, а на опушке рощи в полукилометре от трассы. Хорошо, зрение помогло, рассмотрел. Да и бинокль, найденный в разбитой машине, использовал. Увидел, скатался и прибрал. Вот там, у зениток, стояли три полуторки со снарядами к ним. Топлива не было ни капли; видимо, слили в другие машины и драпанули. Потом я нашёл отдельно стоявшую зенитку, тоже 37-миллиметровую, вроде найденных ранее. Она стояла прицепленная к ЗИС-5 на улице деревни, в которой находились немцы и которую я незаметно пересёк. Видимо, советских зенитчиков застали врасплох: тут тоже всё комплектно было. А вот из зенитных пулемётов мной на трассе были обнаружены всего четыре единицы, причём две повреждены – не починишь, ещё один сгорел вместе с машиной, так что достался мне целым только один – четверённые пулемёты в кузове полуторки. Нашёл на той же улице, где и одиночную 37-миллиметровую, и прихватил.

Теперь по самой артиллерии. Четыре сверхтяжёлых гаубицы Б-4, на гусеничном ходу, 203 мм – не шутки. Их, видимо, тоже застали на дороге и захватили целыми вместе с тягачами «Ворошиловец». Тут же было пять ЗИС-5 со снарядами для гаубиц и два грузовика с бочками дизтоплива. Всё это охранялось отделением немецких солдат. Я их уничтожил: снял тихо ножом часового (непростое это дело оказалось), а потом и остальных. Вообще странно, что я в лесу с теми польскими бандитами так легко разобрался: очень профессионально действовал, не ожидал от себя такого. Но там Взор серьёзно помогал, а тут совсем другое – ножом.

Но справился, хотя потом минут десять отходил. За ночь я ножом не раз пользовался, и с каждым разом мне было всё проще это делать. Да и некоторого опыта набрался.

Так вот, по артиллерии. Следующие установки – девять единиц 152-миллиметровых гаубиц. Это были новейшие орудия М-10. Некоторые стояли с тягачами, другие – без. Да и не в одном месте находились, а в разных. Потом было четыре орудия, я их так вместе и нашёл; думаю, одна батарея, МЛ-20, тоже 152-миллиметровые гаубицы. Я тут в брошенной «эмке», в которой явно ранее передвигался артиллерийский командир, нашёл методички с описанием разных артиллерийских систем, так что теперь разбираюсь в моделях.

Следующей моей находкой стали шесть 122-миллиметровых пушек А-19, с тягачами в походном транспортном положении. Их так на дороге и захватили. Тягачи пулями покоцаны были, следы боя вокруг, но трупов уже не было, убрали. А технику не успели, и она досталась мне, как и колонна в десять грузовиков со снарядами к ним. Были также 122-миллиметровые гаубицы М-30, аж четырнадцать штук, плюс ещё две повреждены в ходе боя, но можно починить. К ним всего два десятка ящиков со снарядами. Вся артиллерия, что мной была найдена, судя по направлению движения, двигалась в сторону фронта.

Следующий тип орудий, отправленных мной в Хранилище, это Ф-22, 76-миллиметровые дивизионные пушки в количестве двадцати двух единиц. Не ожидал, что столько их тут найду. И это в целом состоянии, раздавленных и расстрелянных было больше. Не все орудия были с прицелами и замками, так я снимал их с разбитых, если уцелели, и ставил на целые. Был ещё тип УСВ, тоже 76-миллиметровый, тут всего восемь уцелевших единиц и порядка десятка уничтоженных. Расчёты не всех орудий бросали свою технику: во многих местах при стремительном приближении противника они разворачивались и отбивались, там всё было перерыто снарядами. Да и авиация свою лепту вносила.

Следующая партия орудий – батальонные и полковые. Тут всего семнадцать «трёхдюймовок», причём только шесть имели возможность буксироваться за грузовиками, остальные – только гужевым транспортом. В разбитых машинах я нашёл немало снарядов к ним, порядка трёх боекомплектов.

Теперь по противотанковым орудиям. 57-миллиметровая противотанковая пушка ЗИС-2 в трёх экземплярах. Было четыре, но одну раздавили танком. Танк недалеко укатил, а «четвёрка» стояла метрах в ста от него и до сих пор дымилась. По следам гусениц было видно, что это её работа. Снарядов было мало, всего три ящика осколочных, судя по маркировкам. В кузовах полуторок, к которым они прицеплены были, по ящику лежало, видимо НЗ. Ну и, конечно, самая известная «сорокапятка», их я собрал аж двадцать семь единиц, больше всех остальных типов. И снарядов в брошенных машинах или даже складированными на обочине нашёл порядка двухсот ящиков. Некоторые пушки были к лёгким тягачам «Комсомолец» прицеплены, другие – к грузовикам, две – к убитым лошадям, а несколько просто брошены. Кстати, пока бегал, собрал и убрал в Хранилище около пятидесяти артиллерийских коней, которые бродили вокруг по полям. Немцы их пока не ловили – ночь же.

Что касается миномётов, то тут находок было не так уж и много. Начну с полковых. Три 120-миллиметровых орудия образца тридцать седьмого года. Они буксируемые, так и были прицеплены к полуторкам, когда я их нашёл. А вот мины к ним, всего двадцать ящиков, нашёл в кузове ЗИС-5, да и то в другом месте. Батальонных миномётов в 82 мм было восемь штук, нашёл их в кузовах трёх грузовиков, мин к ним не было совсем. Ну, и ротные миномёты в количестве девятнадцати единиц, в 50 мм, образца сорокового и сорок первого годов, они тоже были найдены мной в кузовах машин. Только один был установлен на боевой позиции и, видимо, вёл огонь, рядом лежали тела двух убитых миномётчиков. Сам миномёт уцелел. Рядом стоял ополовиненный ящик с минами. Этих бойцов я похоронил: поднял кусок земли, убрав в Хранилище, спустил их вниз и вернул землю на место. Убитых советских воинов и

беженцев было много, я проходил мимо, только документы собирал, если были, но эти двое чем-то зацепили.

Теперь по пулемётам и стрелковому оружию. СВТ всего одна машина была, та самая, о которой я упоминал. Ручные пулемёты ДП я нашёл в количестве восьми штук, брошенные, Взор на них, лежавших в траве, указал. Так как танковых пулемётов было мало, я снимал уцелевшие с разбитых машин, если они там были и не горели; к горелым не подходил, смысла не было. Вот семнадцать пулемётов ДТ таким образом и снял, да все диски к ним; за всю ночь только это успел. В танки пока не ставил, в Хранилище убрал: не до них, потом время будет, сделаю. К моему удивлению, нашёл два пулемёта, которые я принял за немецкие МГ-34, но они оказались прототипами ручных пулемётов на базе станкового «максима» и назывались МТ. Оба в порядке, имели по три банки с пятидесятипатронными лентами. Весили они около двенадцати кило, имели сошки и деревянные приклады. Ну не знаю, по-моему, ДП легче и ухватистее. Нашёл ещё восемь станковых пулемётов ДС-39 и шесть новеньких «максимов». Крупнокалиберных почти не было, только два, которые нашёл в остатках кузова сгоревшей машины. Брать не стал: сильно повреждены огнём. Вот и всё.

По пистолетам и пистолетам-пулемётам. Последних нашёл восемь в целом виде: пять с дисковыми барабанными магазинами и три с рожковыми. Патронов к ним восемнадцать ящиков было. Я говорил уже, что собирал документы с тел павших, и если оружие было на месте, снимал его с ремнями и португепями с танкистов и командиров. Собралось сорок восемь пистолетов ТТ, шестьдесят три нагана, два пистолета Коровина, три маузера. Кстати, к наганам тоже патронов было немало, двенадцать ящиков нашёл в брошенных машинах. Винтовки и карабины не брал, мне СВТ больше нравились, по колонне собрал только четыре СВТ и две винтовки Мосина с оптикой, и всё.

Теперь по хозимуществу. Две новенькие полевые кухни, ещё в консервационной смазке, гнали их откуда-то с тыла к фронту. Охраняли их аж по двое немецких часовых, но я смог их снять и забрать трофеи. Видимо, немцы тоже оценили такие кухни, их-то все на деревянных колёсах. Я успел насмотреться на такие на местах немецких ночёвок, их лошадьми буксируют. А наши прицепное устройство кинули к крюку грузовика – и буксируй знай. Кухни были трёхкотельные, с духовками, в которых находилось по два противня. Котлы чугунные, надолго хватит. Модели КП-3–37. Но уж больно они тяжёлые, ЗИС-5 с трудом их буксировал. Полуторки точно не потянули бы. Также была одна хлебопекарня на базе полуторки.

Из инженерного имущества были кирки, лопаты, топоры, ломы, шесть рулонов колючей проволоки. Ещё два крана на базе автомашины ЯГ-6, один на ходу, второй можно починить. Один бульдозер на ходу. Два экскаватора, оба рабочие, шесть понтонов в кузовах буксирующих машин. Также две машины со взрывчаткой и подрывным имуществом, три машины с минами: одна с противотанковыми и две с противопехотными.

На этом по оружию и технике всё. Кроме этого были два десятка телефонных аппаратов и двенадцать катушек с кабелем, сотня комплектов новенькой командирской и красноармейской формы: сапоги, ремни, шинели да головные уборы. Палаток было немного: с десятков взводных и столько же штабных и командирских, четыре санитарных. По санитарным частям скажу так: два санитарных автобуса и медикаменты в одном из грузовиков. На этом всё. Теперь точно всё. Лишь авиации тут не было, хотя в трёх машинах с эмблемами лётных частей я нашёл бочки, полные топлива.

Когда рассвело, я, налегая на педали, отъехал от трассы километра на три: хотел в овраге в кустарнике схорониться и выспаться, всю ночь на ногах всё же, без отдыха. Однако нашёл бункер старый, похоже, польский, смог вскрыть дверь (хорошо была замаскирована, не знал бы, за что потянуть, не открыл бы) и там, осмотрев всё, только бензогенератор прихватил и шесть телефонных аппаратов. Тут, видимо, командный пункт был, но склады пусты. Я устроился в офицерской спальне, постелив своё бельё (тут была кожаная обивка), разделся и вскоре уснул.

Проснулся я за два часа до наступления темноты. Быстро позавтракав прямо тут же, в помещении, где дневал, я прикинул свои планы на эту ночь и неожиданно хихикнул. А дело в том, что я вспомнил вчерашнюю ночь. Нет, сбор брошенного советского имущества, техники и оружия у дороги – это одно, но ведь я и немцев без внимания не оставил. Грабить их оказалось настолько просто и забавно, что утащил я немало, столько, что просто диву даёшься. Причём брал только новенькое, технику с растраченным ресурсом игнорировал.

В результате за всю ночь из разных частей я уволок по списку (извините, не по системам и моделям) следующее. Четыре зенитных орудия «ахт-ахт» с тяжёлыми гусеничными тягачами. Новенькая батарея, видно, только недавно сформирована. В комплекте с ней шёл прибор управления зенитным артиллерийским огнём, он в штабном автобусе находился, я его тоже прихватил. Два «ганомага»: один командирский, укороченной версии и с хорошей радиостанцией, у него был один защитный пулемёт МГ-34, и второй со спаренными зенитными пулемётами МГ. Также были два тяжёлых мотоцикла БМВ с пулемётами на колясках и один гусеничный мотоцикл, трёхместный. Два лёгких посыльных одиночки. А ещё легковой офицерский автомобиль «Опель», полевая кухня, одиннадцать тяжёлых грузовиков «Мерседес» со снарядами плюс ещё четыре с топливом. В основном дизельным, но в одном было топливо для бронетехники, легковушки и мотоциклов – у них был бензин.

Хм, а кухня была интересной. Она была размещена на раме грузового автомобиля «Опель-Блиц». Тут было четыре котла, место для походной пекарни и две духовки. Классная вещь, тоже взял. Не знал, что у подвижных соединений вермахта такое обеспечение. Правда, у других частей, включая танковые и моторизованные, я таких кухонь не нашёл. Там всё те же кухни с гужевым транспортом. Чуть позже посмотрю: может, она самодельная? Есть такое подозрение.

Откуда тут взялась тяжёлая зенитная батарея, я знал: после встречи с нашими танками КВ и Т-34 их быстро перекинули в передовые порядки. Только они могли бороться с этими танками, да ещё издалека. Ну да ладно. Что-то я в подробности с этой батареей влез, но она реально новенькая. Снял часовых, да и забрал всё (палатки с расчётами не трогал), убрал в Хранилище и покатил дальше. Так я набрал восемнадцать полевых армейских кухонь (ту, что у зенитчиков взял, не считаю) и ещё две, советские, которые уже всю использовались немецкими поварами.

Кроме кухонь взял тридцать семь бронетранспортёров «Ганомаг» со всем вооружением, у шести стояли зенитки в кузовах: у двух – пулемётные, у четырёх – одноствольные автоматические мелкокалиберные пушки. Вообще, бронетранспортёров было больше, но эти самые новые, остальной хлам я не брал. Потом девять тягачей, семь тяжёлых трёхосных восьмиколёсных вездеходов «Мерседес» и двадцать шесть легковых автомобилей. Из них девять очень дорогие, генеральские, «Хорьх» или «Мерседес», такого типа. Один раз красная двухместная «астонмартин» попала в во дворе одного из деревенских домов, явно личное авто было, тоже прихватил. Сорок семь тяжёлых мотоциклов БМВ и «Цундапп» с вооружением. Семнадцать одиночек и восемь тяжёлых гусеничных мотоциклов, у двух небольшие прицепы были с бочками для топлива на полтонны. И ещё взял четыре радионных автомашины и пять штабных.

Прихватил четыре противотанковых 37-миллиметровых пушки, просто для ознакомления, вместе с машинами и снарядами, которые с ними были. Четыре лёгких полевых гаубицы, этих без транспорта, их лошадьми буксировали. Снарядов набрал прилично. Из танков пятнадцать новеньких «четвёрок» (больше не было, остальной хлам не интересовал) и семнадцать «троек», причём две в командирском варианте. Это значит, что вместо пушек у них муляж, чтобы в башнях свободнее было, также у них улучшенная оптика и мощная радиостанция. Ну и две «двойки», тоже для изучения. Были ещё «чехи», их изучил визуально, но брать не стал. А вот самоходки прихватил, «Штутг-3»; только двенадцать из двух десятков, что я видел, были в порядке, их и взял. Ну и снаряды, благо с «четвёрками» у них один калибр. Однако главное,

что я прихватил, это, конечно, зенитные средства, а именно зенитные мобильные автоматические пушки в 20 мм. Было четыре счетверённых машинки (страшные штуки, как я понимаю), девять двуствольных и семь одноствольных. Плюс три 37-миллиметровые одноствольные. Все их я прихватил, как и боеприпасы, а также и средства буксировки.

Скажите, не мог я это успеть за ночь? А я успел. Катил на велосипеде и делал, нимало не сомневаясь. Неудивительно, что я вырубился от усталости, едва голова коснулась подушки. И да, я прекрасно понимал, что пропажа техники немцев сильно насторожит, поэтому устраивал шумер, чтобы списали на него. Все части, которые я грабил, стояли не одни; используя взрывчатку и бикфордовы шнуры, я минировал, поджигал (часовые к тому времени уже уничтожены были, трофеи взяты) и, налегая на педали, бесшумно катил прочь. Обычно успевал на километр удалиться, прежде чем танки и машины со снарядами и топливом рваться начинали, а в такой шумихе и панике обычно не до подсчёта техники. А утром поди знай, куда она делась, спишут, и всё.

Я так и делал. Одну часть грабил и после взрывы устраивал, следующую мимо проезжал, там просыпались от шума, а вот за ней обычно снова тихо; так и вытворял свои дела. Надеюсь, немцев не насторожу. Да и не собирался я это повторять, просто силы свои пробовал. Больше двух сотен германских солдат лично на тот свет отправил, как часовых, так и тех, кто в машинах спал, да разводящих, а сколько погибло при взрывах? То-то и оно. Ладно, завтрак закончил, можно продолжить. Скоро стемнеет, выберусь наружу.

Тут я Взором засёк, что к бункеру направляется два десятка неизвестных. Вооружены германским оружием. Немцы, да при офицере. К счастью, они просто прошли сверху, похоже, не подозревая об убежище, и ушли дальше, куда-то в сторону полей. Я провожал их Взором, тот уже четыреста шестьдесят метров брал, дальность повышается. Чую, через месяц километр будет, миномётами можно будет работать, такая точность, считаю, станет неприятной неожиданностью для противника. Ведь я буду видеть, где разрываются мины, и смогу корректировать огонь. Хм, может, ротные использовать? Мины к ним есть, обстрелять немецкие подразделения ночью, чтобы мёдом им война не казалась? Стоит подумать. Как я видел, явное усовершенствование шло. На двухстах метрах дальности Взора открылась опция ночного глаза. Думаю, следующая откроется на четырёх или пяти сотнях, это логично. Так что будем качать и ждать.

Тут немцы снова меня отвлекли. Их группа увеличилась на троих человек, которые шли с поднятыми руками. Понятно, кто-то им сдался в плен, ну или они сами взяли. Выстрелов не слышал, но это и не мудрено: я находился на глубине пяти метров, тут звукоизоляция серьёзная, вполне мог не услышать. Поглядывая на немцев и изучая их оружие, я только хмыкнул. Личного стрелкового я тоже набрал вчера ночью немало. Одних автоматов линейки МП сто семьдесят шесть штук плюс тридцать два пулемёта МГ-34, снятых с разных мест. Ну и пистолетов с кобурами триста двенадцать. В основном танкисты всем поделились. У пехоты пулемёты набирал, боеприпасы к ним и шестнадцать карабинов Маузера с оптическими прицелами. Вот такие дела.

Немцы прошли, а я, закончив изучать бункер Взором, направился в помещение с перископом. Ранее я его не приметил, когда сканером дистанционно осматривал помещения, а тут обнаружил. Надеюсь, работает. Тот действительно работал. Правда, не сразу дёрн удалось проткнуть, но вот он поднялся, и я осмотрелся. С одной стороны слепило солнце, которое уже почти коснулось горизонта. На дороге пусто, движения практически нет, только редкие колонны с обеспечением пролетают, немцы на ночёвку встают. А так вроде всё как обычно.

Когда окончательно стемнело, я покинул бункер и, достав из Хранилища велосипед, покатил к Кобрину. Немцев я не трогал: вон как часовые насторожены, секреты и патрули появились. Видимо, вчера я хорошо потрудился, попугав их. Да и они, прошлой ночью общаясь по рациям, определили, куда движется группа, устраивающая диверсии. Даже пытались устроить засаду, но я засёк это дело и объехал их. Сейчас с немцами трудно стало: часовые

нет-нет да и пускают осветительные ракеты, так что моё преимущество с ночным зрением тут уже не плясало. Прошлой ночью они так не делали.

К Кобрину я подкатил к трём часам ночи, под утро. Он оказался дальше, чем я предполагал, налегать на педали практически без отдыха оказалось тяжело, но пятьдесят километров за спиной я оставил, почти всё это время двигаясь на максимальном ходу. Пару оврагов и ручьёв пересёк самостоятельно, вдали от охраняемых мостов, наши их даже уничтожить не успели. Только в одном месте была понтонная переправа, кстати, работающая даже ночью.

Проехав полпути, я всё же смалодушничал и поработал у немцев. Брошенную советскую технику я тут уже осматривал ранее и всё ценное прибрал, а вот немцы были интересными. Мне понравилась одна оборудованная палатка, в которой на койках спали два офицера – это был фактически брезентовый домик. Немцы тут, видимо, недавно, ещё непуганые. Службу несли обычно, а не в авральном режиме, как другие. Это не первая часть из новичков, что себя так вела. А палатка – шик и блеск, с окнами из плёнки с двух сторон. Внутри две койки, стойка с полками, письменный стол, обеденный, несколько стульев, софа, сборный шкаф. Всё это разделено пологам на помещения. Было также отверстие в стене под трубу печки-буржуйки. Самой печки не было, но я заметил её в кузове грузовика «Опель-Блиц», в котором, видимо, это всё великолепие и перевозилось. То, что в палатке был патефон, – это уже так, бонусом шло. Как и небольшой бензогенератор, снабжающий палатку электричеством. Там была тумба с радиостанцией, антенна высоко поднята.

А вообще, думаю, это какое-то отдельное подразделение. Встали в стороне от другой германской части. Да и было там всего два автомобиля, грузовой и легковой. Кстати, легковой был кабриолетом модели «Мерседес». Может, там генерал? Я смог снять часового (сделал это легко, ещё бы, столько опыта) и осмотрел спавших офицеров. Полковник и майор, мои будущие коллеги-интенданты. Вместе с палаткой отправил их в Хранилище, разберусь с ними потом. Туда же оба автомобиля. Рядом, прямо на траве, завернувшись в одеяла, спали ещё трое, унтер и двое рядовых. Думаю, это водители и охрана офицеров, а может, и денщики. Также, чтобы не шуметь, отправил их в Хранилище. И труп часового туда же. Убедился, что следов не осталось: пусть другие немцы думают, что эти укатили ночью незаметно и тихо. И вообще, пусть сами версии придумывают, как всё произошло, а то я устал за них это делать.

Ну а дальше – Кобрин. В город я проник через огороды. Моя цель – какой-нибудь генерал. Я хотел золотую медаль Героя получить, это серьёзно поднимет мой статус, так что почему бы и нет? Может, генералы тут и были, только найти их впопыхах я не смог. Стащил шесть легковых автомобилей и большой вездеходный броневладелец улучшенной комфортабельности (понравилась компоновка) и едва успел удрать из города.

Одет я был в гражданскую одежду, так что, особо не обращая внимания на поднимающееся светило, так и давил на педали по направлению к Белостоку. Километров десять проехал, но, видя, что слишком много немцев вокруг, стал искать место для днёвки. Насчёт генерала я не передумал, просто сейчас не время. Буду переходить линию фронта, там и возьму, а потом передам командованию советскими войсками на том участке фронта. Потому что, если взять сейчас, будут его расспрашивать, а он вспомнит только, как спать ложился в Кобрине, две недели назад, месяц или два, смотря сколько времени пройдёт. Это будет странно, как я думаю. Так что погодим.

Приметив вдали силуэты самолётов, я сообразил, что вижу советский военный аэродром, по-видимому, захваченный противником. Отлично, ночью навещу, такая техника тоже может пригодиться, если целой будет. Поменяю её у интендантов ВВС на что-нибудь необходимое мне. Только брать нужно новые системы. А вообще, стоит взять тех немецких офицеров, которые занимаются сбором и учётом захваченной советской техники, особенно ВВС, они и сообщат координаты, которые следует посетить. Точно, так и сделаю. Но это чуть позже, а пока спать.

Велосипед убрал и стал устраиваться на ночёвку на дне оврага: тут кустарник отлично разросся, в нём и посплю. Пока я уезжал от Кобрина, дороги ещё пусты были, но к семи утра движение началось, тут я и свернул с полевых дорог и нашёл вот это отличное место для сна.

* * *

Вздыхнув, я присел, изучая с помощью Взора территорию временного склада тяжёлого вооружения, расположенного в лесах неподалёку от Белостока. Две недели меня тут не было, и вот я вернулся. Немцы уже закончили добивать войска, которые тут в котле оказались, и сейчас проводили сборные мероприятия, в том числе по технике и вооружению, не только по многочисленным пленным. Кажется, их тут взяли несколько сотен тысяч. Склад тяжёлого стрелкового оружия был пуст, ни немцев, ни наших, а вот содержимое – на месте. Так что я двинул вперёд, и скоро сто десять миномётов в 120 мм, семьдесят шесть батальонных в 82 мм, сорок семь ДШК на пехотном станке, семьдесят два на зенитном плюс небольшое количество боеприпасов у входа отправились в закрома Хранилища, заполненного уже на восемьдесят процентов. Да, именно так, техникой я затарился до неприличия. Покинув пустой склад, я поскакал верхом на Огоньке к следующему, ручного оружия, там СВТ были, пять тысяч, и ручные пулемёты со станковыми. Надеюсь, склад на месте.

Пока я двигался по лесу, неспешно (не хватало глаза выколоть), то прикинул, как поработал эти две недели. Моя идея поискать и допросить тех, кто занимается сбором и учётом трофейной советской техники, оказалась золотым попаданием. Нашёл я таких знающих офицеров уже через два дня. Допросил пленных, и они указали на того, кто мне нужен. Тот аэродром у Кобрина (видно, что полевой) я посетил. Техника там старая, сильно побитая, но два «ишачка», на вид целые, я прибрал.

После того как я взял знающих интендантов (они мне оченьгодились, особенно их карты с отметками и записями), сбор техники и отправка в Хранилище оказались делом быстрым и довольно простым. Больше всего времени я тратил на дорогу.

От интендантов я узнал, что внезапно, в первый же день войны, был захвачен советский аэродром, где базировались истребители. Там был высажен десант. Полк был захвачен ранним утром двадцать второго, всего за полтора часа. Истребители новейшие, Як-1. Пятьдесят в сборе, выстроенные в линейку, и двадцать в ящиках. Там же запас топлива, боеприпасов и снаряжения для лётчиков. Этот полк я посетил, немцы пока изучали истребители и не вывозили: как я понял, они им не особо и нужны. Это танкисты или пехота используют трофеи, а люфтваффе пользуется только своей техникой, произведённой в Германии.

Потом я посетил другие аэродромы, охраняли их слабо, так что работал по ночам легко. Так моими трофеями стали сто шесть истребителей Як-1, часть из них я нашёл на одной из железнодорожных станций, ящики с ними в пакгаузах были, посетил и забрал. Кроме них тридцать один истребитель МиГ-1, шестьдесят шесть МиГ-3, половина в ящиках. Восемнадцать ЛаГГ-3, тоже в ящиках. Сорок восемь уцелевших штурмовиков Ил-2, треть в ящиках, ещё не собраны. Пикирующих бомбардировщиков Пе-2 аж восемьдесят девять. Ну и двадцать два У-2. По самолётам это всё, старьё я брать не стал.

Прихватил немного топлива, бомб и боеприпасов (на один вылет хватит), две сотни парашютов, костюмы, очки и шлемофоны. Шесть топливозаправщиков, четыре масло- и водоналивные машины из аэродромной техники. Семнадцать зениток и все четырёхствольные пулемёты. По авиации всё.

Однако были пункты сбора другого оружия, артиллерии, танков и автомашин. Я их также посетил, координаты сборных пунктов у меня были. В результате в закрома отправились сто шестьдесят три танка Т-34, из них сто девять на ходу: заправить, боеприпасы загрузить, установить пулемёты и хоть сейчас в бой. Остальные требовали ремонта. С одной из железнодо-

рожных станций я утащил шестьдесят три двигателя В-2, те самые танковые дизеля, новенькие, с завода, так что будет на что менять. Такая же ситуация и с КВ. Теперь у меня пятьдесят шесть КВ-2, причём двадцать из них новенькие, прибыли из Ленинграда, будучи захваченными немцами, на железнодорожных платформах, а я захватил уже у них, даже снять их не успели. Есть ещё восемь КВ-2 не на ходу, требуют ремонта, в основном по ходовой, она у них слабая. И восемьдесят семь КВ-1 плюс ещё двенадцать не на ходу. Ремонт несложный; технику, требующую сложного ремонта, я не брал, пусть немцы мучаются.

Ну и пополнил запасы артиллерии: зенитной взял сотню единиц, и особенно противотанковой, две сотни грузовиков, самые ходовые, ЗИС-5 и полуторки, тридцать шесть полевых армейских кухонь, и на этом всё. Разве что ещё боеприпасов к танкам набрал по два-три боекомплекта, брал только бронебойные и не очень много, чтобы для другого оружия и имущества место осталось. Как раз для складов в лесу. Вот так и вышло, что у меня теперь занято восемьдесят процентов места. Причём эти две недели я качал Хранилище; понемногу, но увеличивал объём, догнав до четырёх тысяч кубов. Доставал тяжёлые танки и убирал их, доставал и убирал во время отдыха. Так и накачал. Немного, но хоть что-то, лишняя полусотня танков войдёт.

С другими умениями тоже всё отлично. Взору осталось два метра до дальности в семьсот метров. Надеюсь, что откроется какая-нибудь опция, на пятистах ничего не было. Исцеление я прорабатывал слабо за эти две недели: усталость в мышцах, потёртости, мозоли, синяки да сломанная рука, когда упал с мотоцикла, – я его разбил. Ну и огнестрельное ранение в ногу от случайных окруженцев. Но подтянул и тут знания, прокачивая это умение. Открылись ещё три опции, теперь у меня их семь. Из новых «Малое кожное исцеление», работает по ожогам, теперь не страшно, если обгорю как уголёк. Главное, чтобы хватило энергии для использования. Потом «Малая диагностика головы». Она специализируется на диагностике всего, что находится в голове, в том числе глаз. Третья опция – «Малое лечение глаз, органов слуха и обоняния». Я использовал две последние опции, сперва диагностику (оказывается, стандартная многое не видит), и после лекарскую. Теперь у меня отличные слух, зрение и обоняние. О последнем иногда жалею, особенно когда нахожусь рядом с недавними местами боёв, где разлагаются тела непогребённых советских солдат. Конечно, иногда хоронил, но на всех меня точно не хватит.

Я прямо скажу, всей той новейшей техники в Белоруссии вот так не собрать, так что я частично побывал и на территории Украины, их сборные пункты трофеев посетил. Два Т-35 увёл, как экспонаты для себя. Двигался когда на автомобиле (у немецких авто мягкий ход, я в кабриолеты влюбился), а когда на мотоцикле. Также и обратно вернулся. Привык я к ночной жизни. Днём сплю, ночью работаю. И как считаете? Вот я думаю, на год мне таких запасов хватит. Ну, или той части, где я служить буду. Дальше легче станет: заводы на Урале заработают.

Кстати, я посетил и немецкие военные аэродромы. Два сжёг, устроив тарарам. Прихватил шесть новеньких «лаптёжников», двенадцать «мессеров», три специализированных разведчика и три связных самолёта «Шторьх». Это так, баловства ради; если для чего важного места не найдётся – без сомнений выкину. Тех немцев, что я взял в плен, поместив в Хранилище, я допросил, избавил от вещей и пристрелил, мне они без надобности. Даже полковника. Ничего, ещё добуду, даже получше. А вот документы их все сохранил, мало ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.